

Айлан Вульф

Лорд и леди
Шервуда

Айлин Вульф

Лорд и леди Шервуда. Том 4

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Вульф А.

Лорд и леди Шервуда. Том 4 / А. Вульф — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Прошло восемь лет. Король Ричард, смирившись с нежеланием графа Хантингтона неотлучно оставаться при нем, облек его полномочиями наместника короля в Средних землях. Но уже три года, как Ричард умер и на троне Англии его сменил принц Джон, ставший королем Иоанном. Новый король не благоволит графу Хантингтону — Иоанн не забыл об участии бывшего лорда Шервуда в деле с выкупом Ричарда из плена. Но бывшего ли? Так ли изменили графа Хантингтона годы мирной жизни, чтобы он утратил свойства, отличавшие его как лорда вольного Шервуда? Это и пожелал узнать его давний недруг, который до сих пор оставался не у дел, но теперь считает, что его час настал.

Содержание

Веардрун	5
Глава первая	5
Глава вторая	21
Глава третья	38
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Айлин Вульф

Лорд и леди Шервуда. Том 4

Цель всякого хорошего действия – любить достойное любви, ненавидеть достойное ненависти, наслаждаться достойным наслаждения и пользоваться приносящим пользу. Дурного же – пользоваться тем, чем нужно наслаждаться, наслаждаться тем, чем следует пользоваться, ненавидеть любимое и любить ненавистное.

Лоренцо Пизано

*Мне вещим сердцем не сули
Несчастий никаких:
Судьба, подслушавши вдали,
Вдруг да исполнит их?
Представь: мы оба стим,
Разлука – сон и блажь,
Такой союз, как наш,
Вовек неразделим.*

Джон Донн

Веардрун

Глава первая

Марианна по привычке проснулась с первыми лучами солнца, заглянувшими в окно спальни, обращенное на восток. Тихое во сне дыхание Робина, обнимавшего ее одной рукой, щекотало ей затылок. Марианна улыбнулась и сонно зажмурилась, позволив себе еще немного насладиться утренней дремотой. Повернувшись к Робину, она обняла его и тесно прильнула к нему, согреваясь его теплом. Руки Робина медленно сомкнулись на ее спине, и он, не просыпаясь, прикоснулся губами к ее виску.

Он отсутствовал в Веардруне больше двух недель, отправившись в другие владения Рочестеров, и дела заставляли его откладывать возвращение. Гонец, доставивший Марианне послание о том, что граф Хантингтон, наконец-то, возвращается в свою главную резиденцию, опередил Робина только на день. Но этого дня Марианне хватило на то, чтобы подготовить Веардрун к достойной встрече супруга. Приготовления не потребовали от нее чрезмерных усилий: большое хозяйство Веардруна велось в образцовом порядке. Уже с полудня она отправляла на крепостные стены Дэниса – посмотреть, не показался ли на дороге отряд Робина. Малышка Гвендолен, с утра наряженная в лучшее платье, в нетерпении сновала вокруг Марианны. Она не знала, что больше волнует дочь: приближавшаяся встреча с горячо любимым отцом или невозможность предаться обычным играм из-за строгого наказа матери не испачкать красивый наряд.

Он приехал в Веардрун перед самым закатом. На скаку спрыгнув с верного Воина, он обнял Вилла и обернулся к Марианне. В присутствии челяди, высыпавшей во внутренний двор встречать своего господина, она присела перед Робиним в чинном реверансе, из которого он стремительно поднял ее и привлек к себе.

– Здравствуй, мое сердце! – услышала она долгожданный голос, когда Робин поцеловал ее в лоб.

Запрокинув голову, Марианна посмотрела в его смеющиеся глаза. Как всегда, от их бездонной сини у нее быстрее застучало сердце, закружилась голова, колени задрожали от слабости, и рука Робина немедленно стиснула ее стан крепким кольцом.

– Перестань так смотреть на меня! – шепнул он, улыбнулся и с озорством сверкнул глазами. – Ты ведь не хочешь, чтобы я забыл о том, что вокруг собрался весь Веардрун?

Марианна улыбнулась в ответ, сияя радостью, словно источник волшебного света. Замешкавшаяся Гвендолен подбежала к отцу, и Робин, выпустив Марианну из объятий, подхватил дочь на руки и высоко подбросил ее. Завизжав от радости и веселого испуга, Гвендолен обвила руками шею Робина и крепко прижалась щекой к его щеке.

– Здравствуй, красавица Гвен! – сказал Робин, обласкав дочь любящим взглядом. – Ты пристойно вела себя в мое отсутствие?

– Очень пристойно! Спроси у матушки! – горячо заверила Гвендолен и расцеловала отца звонкими поцелуями. – Не уезжай больше так надолго! Или бери меня с собой! Я так скучала без тебя!

– И все время предавалась скуке, дочь? – с усмешкой спросил Робин, перейдя на французский язык. – Или находила часы для занятий?

– Нет, лорд отец мой! Я прилежно занималась, пока ждала тебя, – бойко ответила Гвендолен тоже на французском. – Латынь, греческий, валлийский, арифметика, чистописание, музыка – у меня не оставалось времени до самого вечера! А еще матушка учила меня свойствам трав, и мы с ней даже пытались переводить арабскую книгу, только у матушки получалось быстрее и лучше, чем у меня!

Робин довольно улыбнулся и, поцеловав дочь, поставил ее на ноги. Гвендолен смотрела на отца с любовью и восторгом, и церемонная скромность девочки рухнула под напором любопытства.

– Ты привез мне подарки, как обещал? – спросила она, краем глаза наблюдая, как слуги разгружают повозки.

– Я привез тебе целую уйму подарков! – ответил Робин, потрепав дочь по светлым, как у Марианны, волосам. – Вот первый из них, а остальные посмотришь после ужина.

Он кивнул в сторону вороного пони, которого держал в поводу Мач. Гвендолен, взглядом испросив у отца разрешение, с восторгом бросилась к нему, и Мач едва успел отдать дочери Робина сухарь, чтобы та угостила пони и положила начало дружбе с гривастым подарком отца.

– Ваша светлость, вы примете ванну до ужина? – спросила Робина одна из служанок, присев перед ним в глубоком реверансе.

– Непременно! – весело ответил Робин, проведя ладонью по волосам, припорошенным дорожной пылью, и стрельнул взглядом в сторону Марианны: – Моя леди, я надеюсь, вы можете мне вымыться должным образом?

Как обычно, помощь началась – или закончилась – тем, что Марианна немедленно оказалась в ванне, едва Робин успел погрузиться в воду.

– Скучала? – прошептал он, впившись в ее губы жадным и требовательным поцелуем. – Ты скучала по мне?

Обхватив ладонями ее тонкий стан, он пристально посмотрел на Марианну потемневшими глазами, в которых мелькали синие искры.

– А у тебя есть сомнения? – с улыбкой спросила в ответ Марианна и еле слышно ахнула, прильнув к нему всем телом.

Обвив ногами его стан, она поддавалась его движениям, тая в его объятиях, словно мед под жаркими солнечными лучами.

– Счастье мое! – прошептал он, потершись мокрым лбом о ее висок, и его шепот перешел в стон, когда он замер, крепко прижав ее к себе.

– Милый! – откликнулась шепотом Марианна и уронила голову ему на плечо, обвив руками его шею, задрожав и ослабев от сладостной волны, прокатившейся по всему телу.

Глядя на ее мокрые подрагивавшие ресницы, Робин нежно поцеловал Марианну в кончик носа и с любовной насмешливой улыбкой осведомился:

– Жена, ты собираешься и дальше млеть в моих объятиях или все-таки поможешь мне вымыться?

Рассмеявшись, Марианна шлепнула ладонью по его вспухшему мускулами плечу и потянулась за мылом. Она принялась мыть его голову, нежно перебирая мягкие темные волосы, а Робин обнимал ее, целуя и целуя Марианну в улыбающиеся влажные губы.

– Выйдем в трапезную или прикажем подать нам ужин в спальню? – спросил он и улыбнулся так, что Марианна сразу увидела в нем лорда Шервуда, когда он, не выпуская ее из постели, передавал стрелкам пожелание и приказ садиться за стол, не дожидаясь их обоих.

– Мой лорд, тебя будет ждать за столами весь Веардрун, – нежно упрекнула Марианна. – Неужели ты разочаруешь верных вассалов и слуг и в очередной раз дашь Эдрику повод для укоров на несколько дней? Впереди у нас целая ночь.

Робин нехотя разжал объятия и вскинул ладони в знак согласия с Марианной. Когда она обрушила ему на голову поток чистой воды, он шутливо поморщился, тряхнул головой и негромко спросил – так, что у нее опять задрожали колени:

– Твоя или моя ночь?

Заметив лукавый взгляд Робина, брошенный на нее из-под длинных темных ресниц, Марианна улыбнулась:

– Наша ночь! Поделим ее поровну?

По его губам пробежала так хорошо знакомая ей улыбка. Робин скользнул по Марианне откровенно ласкающим взглядом и ответил:

– Договорились, моя леди, поделим поровну!

– Отец! – со звонким возгласом в купальню вбежала Гвендолен.

– Робин, ты не закрыл дверь?! – испуганно прошептала Марианна, прячась от дочери за спину мужа.

– Забыл! – виновато прошептал в ответ Робин, не сдержав улыбки.

– Отец, сэр Эдрик сердится и ворчит, что столы накрыты, а тебя до сих пор нет в трапезной! – доложила Гвендолен и, увидев мать, удивленно приподняла бровь – точь-в-точь, как это делал сам Робин: – Матушка, ты же принимала ванну утром!

– Гвен, – спрятав улыбку, строго сказал Робин, – я так крепко обнимал матушку, что испачкал ее своей пропыленной насквозь одеждой, поэтому она тоже должна была вымыться. Возвращайся в трапезную, дочь, и передай сэру Эдрику, что мы оба через четверть часа сядем за стол.

Гвендолен важно кивнула и убежала. Робин и Марианна посмотрели друг на друга и безудержно расхохотались.

* * *

Запрокинув голову, Марианна с нежной улыбкой посмотрела на лицо спящего Робина. Не удержавшись, она высвободила руку и кончиками пальцев провела по краешкам его полуоткрытого во сне рта. Робин сонно улыбнулся, перехватил руку Марианны и, спрятав ее под покрывало, прижал к своей груди, накрыв сверху ладонью.

Они уснули перед рассветом, истомив друг друга ласками и взаимным пылом. Чувствуя во всем теле сладкую усталость, Марианна дотронулась до собственных губ, чуть распухших

от бесчисленных поцелуев Робина – то нежных, то жадных, то почти грубых и требовательных. Бросив взгляд в окно, она гибко потянулась и уже решительно отвела от себя руки Робина.

– Куда ты? – недовольно спросил сквозь сон Робин, пытаясь притянуть ее обратно к себе.

– Пора вставать! – ответила Марианна, склонившись над ним и поцеловав его в уголок рта. – Солнце уже поднялось.

– И пусть его! – проворчал Робин, не открывая глаз. – Мы только уснули, а с дороги можно поспать и дольше обычного!

– Так ведь это ты с дороги, милый! – улыбнулась Марианна и, поцеловав его еще раз, поднялась с постели.

Одеваясь, она спросила о пожеланиях Робина относительно завтрака и услышала в ответ, что ему решительно все равно, что подадут на стол, лишь бы утренняя трапеза прошла в обществе Марианны и Гвендолен. Посетив купальню и уложив косы, Марианна прошла в покои дочери, которую пыталась извлечь из постели молоденькая нянька, но Гвендолен молча брыкалась и с головой укутывалась в одеяло.

– Да будет вам, леди Гвен! Ведь уже утро, пора вставать! – стягивая с девочки одеяло, ласково урезонивала ее девушка.

Гвендолен в ответ лишь капризно морщила нос и пыталась оттолкнуть нежные, но настойчивые руки няньки. Отстранив девушку, Марианна села на край постели и принялась одевать дочь. Узнав руки матери, Гвендолен, не открывая глаз, потянулась к Марианне и обняла ее за шею.

– Матушка! – прошептала она с сонной улыбкой, которая в точности повторяла улыбку Робина.

В конце мая наследнице и единственной дочери графа Хантингтона должно было исполниться семь лет. Гвендолен родилась днем, предшествующим дню рождения самого Робина, и тот, взяв в первый раз дочь на руки, шутливо сказал Марианне, что она не оставила мысли делать ему именно такие подарки ко дню рождения. Гвендолен была светловолосая, как Марианна, но глаза у нее были отцовские – большие, бездонно синие, как вечернее небо, и так же, как у Робина, светлели, если Гвендолен была чем-то недовольна.

Отправив дочь умываться под приглядом няньки, Марианна ходила на кухню отдать обычные указания на день, выдала поварам запасы из кладовой и распорядилась накрыть в покоях Робина завтрак для него, себя и Гвендолен. Когда она пришла в графские комнаты, Робин уже был там, полностью одетый, и его волосы еще оставались влажными после купальни. Прибежала Гвендолен и, бросившись отцу на шею, принялась целовать его, приговаривая, за какой из подарков следует очередной поцелуй.

– А этот тебе только за то, что ты наконец вернулся домой! – довольно закончила она и звонко чмокнула Робина в щеку.

– Угомонись, моя лисичка! – рассмеялся Робин и усадил дочь за стол. – Ты уже решила, как назовешь своего пони?

Гвендолен важно кивнула:

– Я буду звать его Крэддок.

– Крэддок? Любимый! – перевел Робин с валлийского языка имя, которое дочь придумала для пони. – Он так успел тебе понравиться, Гвен?

– Нет! Его так зовут, отец, – ответила Гвендолен, – он сам мне об этом сказал.

Робин обменялся взглядом с Марианной, и та едва заметно пожала плечами. Может быть, слова Гвендолен были просто детской игрой, в которой она одушевляла все вокруг себя. А может, девочка уже не только обладала способностями, дарованными смешением крови двух Посвященных семейств, но и начала пользоваться этими способностями.

– Отец! – отвлек их требовательный голосок Гвендолен. – Ты до сих пор не показал мне подарок, который привез матушке!

– Она его тоже еще не видела! – рассмеялся Робин.

Встав из-за стола, он ушел в другую комнату и, вернувшись, обвил шею Марианны золотым ожерельем с крупными прозрачными аметистами розового цвета. Взяв руку Марианны, на которой был перстень леди Рианнон, Робин поднес ее к ожерелью, и Гвендолен радостно захлопала в ладошки: аметисты в ожерелье и камень в перстне превосходно подходили друг другу.

– У тебя безупречный вкус! – заявила Гвендолен, восторженно глядя и на родителей, и на украшения.

– Спасибо за похвалу, моя маленькая леди Гвен! – рассмеялся Робин и поцеловал руку Марианны. – Я очень старался оправдать твое высокое мнение обо мне.

– Благодарю тебя, мой лорд! – тихо сказала Марианна, вскинув на Робина сияющие глаза, в которых он прочел признательность за то, что его подарок так подходил дорогому ее сердцу перстню.

Другим украшением он бы ее обрадовал, но не растрогал так глубоко: в распоряжении Марианны было много драгоценных вещей. Как он и обещал ей в Шервуде, так и делал – баловал подарками, не соблюдая никакой меры. Украшения, дорогие ткани для нарядов, редкие книги – она получала все это от него без малейших просьб: он сам угадывал или предвосхищал ее желания.

– Ты уже поблагодарила меня, моя радость, – так же тихо ответил Робин, ласково проведя ладонью по уложенным косам Марианны, – ночью, сполна!

– Но ведь ты ночью еще ничего не знала о подарке! – удивилась Гвендолен и, округлив глаза, вопросительно посмотрела на мать, забыв о варенье, которое размазывала пальчиком по ломтю теплого хлеба.

– Она догадалась о нем, – улыбнулся Робин, – и поцеловала меня заранее.

– Ох, мой лорд! Прикусите язык! – фыркнула Марианна, укоризненно посмотрев на Робина, и в ответ получила дразнящий и насмешливый взгляд синих глаз, от которого вновь замерло ее сердце.

Гвендолен, удовлетворившись объяснением отца, принялась поедать хлеб с вареньем, запивая его молоком. Одновременно она засыпала Робина рассказами о том, что, по ее мнению, произошло важного в Веардруне, пока Робин отсутствовал. Робин слушал дочь, сохраняя серьезное выражение лица, и таким же серьезным тоном отвечал ей, когда она спрашивала о чем-либо. Но в его глазах и уголках рта неуловимо мелькала добрая теплая улыбка.

– Сделай мне еще один подарок, – перебив саму себя, сказала Гвендолен и просительно посмотрела на Робина: – Пожалуйста! Он совсем простой!

– Какой, Гвен?

– Давай отправимся на прогулку. Ты на Воине, матушка на Колчане, а я на Крэддоке! Поедем верхом по берегу моря.

– Заманчивое предложение! – в тон дочери ответил Робин, мечтательно прищурившись, но потом с глубоким вздохом покачал головой: – Заманчивое, но сегодня неосуществимое, Гвен.

– Почему? – спросила она, огорченно надув губы.

– Потому, моя лисичка, что сэр Эдрик предупредил меня, что в Веардруне еще со вчерашнего дня собралось много спорщиков, которые не могут договориться между собой без моего вмешательства. Так что мне предстоит тяжелый день!

– Ты всех рассудишь! – успокоила отца Гвендолен и облизала ложку с медом. – Ты самый справедливый!

Робин рассмеялся и потрепал дочь по светлым волосам, привольно рассыпавшимся по плечам девочки:

– Взамен прогулки предлагаю тебе сегодня обед в саду вместе с лордом Уильямом, леди Тиль и твоими сестричками, – сказал Робин.

Глаза Гвендолен засияли от радости.

– Матушка, а чем ты собираешься заняться? – деловито осведомилась она, когда Робин, закончив завтракать, ушел переодеваться и возлагать на себя графские регалии для предстоящего слушания споров и тяжб.

Получив от Марианны ответ, что мать намерена заняться аптекой, Гвендолен выразила самое горячее желание помочь ей. Дочь Робина и Марианны, несмотря на возраст, была достойной ученицей обоих родителей и обладала уже немалыми познаниями как в приготовлении лекарств, так и в медицине.

Они провели в аптечной комнате не меньше двух часов, после чего Марианна отправила дочь на занятия с учителями, где ей составляли компанию дочери Вилла и Тиль. Сама она пробыла в аптечной комнате до полудня, потом, убрав приготовленные лекарства и наведя порядок, вышла на одну из широких открытых террас Веардруна.

Робин уже закончил судебное разбирательство и теперь стоял во дворе, окруженный ратниками. Рядом с ним был Вилл, и братья вдвоем наблюдали за тренировочным боем, который вел с новичком один из ратников. Вилл взмахом руки остановил поединок и принялся что-то выговаривать новичку. Потом он требовательно протянул руку к ратнику, и тот поспешил вложить ему в ладонь рукоять меча. Вилл сделал несколько выпадов, новый ратник кивнул и попытался повторить показанные ему приемы.

К Марианне подошла Тиль. Она прилегла грудью на каменное ограждение террасы и, отыскав взглядом Вилла, больше не сводила с него глаз, сияющих нежной улыбкой.

– Тиль, у нас сегодня обед в узком кругу, – сообщила Марианна.

– Ох, миледи! Я уже выслушала мнение отца относительно подобного нарушения традиций! – рассмеялась Тиль, по-прежнему глядя на Вилла. – Благо к вам или его светлости отец не решился идти с выговором, а Вилл, как всегда, пропустил попреки мимо ушей!

Почувствовав на себе ее взгляд, Вилл обернулся и приветливо помахал рукой жене, которая радостно замахала Виллу в ответ. Марианна искоса посмотрела на Тиль и улыбнулась. Вот кто все эти годы был безмятежно и бесконечно счастлив! Тиль до сих пор была влюблена в мужа, как в первый день. Она была ему нежной и послушной подружкой, родила Виллу троих детей и получала радость от каждого прожитого дня.

Как Робин и обещал дочери, в саду накрыли стол для обеда в семейном кругу. Эдрик все равно не удержался от ворчания – вроде бы себе под нос, но так, чтобы Робин расслышал его. Но тот лишь отмахнулся от неудовольствия старого наставника, сказав, что за время отсутствия забыл аромат роз своего сада и теперь хочет сполна насладиться благоуханием цветов. На лице Эдрика невольно появилась гордая улыбка: сад в Веардруне был разбит им, и стараниями Эдрика в нем до самой поздней осени буйствовало многоцветье розовых кустов.

Когда Марианна спустилась в сад, Робин сидел во главе стола и быстро проглядывал письма, которые доставили в Веардрун за время его отсутствия. Бросив взгляд на жену, он мельком улыбнулся Марианне и вновь погрузился в чтение. Возле его кресла привольно расположились на траве Гвендолен и ее двоюродные сестры. Дочери Вилла и Тиль – Маргарет и Элизабет – были на год младше Гвендолен. Одинаково темноволосые и голубоглазые близнецы, завидев Марианну, бросились к ней, но Гвендолен, которая зазевалась в первый момент, опередила их и вцепилась в подол платья Марианны.

– Как же вы перепачкались! – рассмеявшись, воскликнула Марианна, окинув взглядом три круглые чумазые рожицы, и позвала одну из служанок, хлопотавших у стола: – Джейн! Быстро отведи этих юных леди умыться!

Не обращая внимания на бурные возгласы протеста, Джейн увела девочек. Марианна опустила в кресло рядом с Робинем и укоризненно попеняла ему:

– Мой лорд, ты мог бы последить за дочерью и племянницами!

Робин лишь рассмеялся в ответ, поцеловал руку Марианны и отложил письма. Тщательно умытые и аккуратно причесанные девочки, которые сразу приобрели чинный вид, вернулись в сад в сопровождении Вилла и Тиль. Увидев на руках Вилла трехлетнего Корвина, Эдрик проворчал:

– Ваш младший сын, милорд, еще слишком невелик, чтобы сидеть за одним столом вместе со взрослыми!

Вилл в ответ выразительно возвел глаза к небу, глубоко вздохнул и, не выдержав, рассмеялся. Тиль забрала сына у Вилла и усадила себе на колени.

– А из моей дочери ты разве что веревки не вьешь! – продолжал сетовать Эдрик, но, не удержавшись, потрепал по светлым волосам любимого внука.

Корвин увернулся из-под его ладони и, недовольно нахмурившись, заявил:

– Я большой!

– Тиль обещала мне перед алтарем быть послушной женой и теперь свято выполняет данное слово! – ответил Эдрику Вилл, поцеловав Тиль в макушку, и укорил младшего сына: – Говоришь, ты большой, Корвин? В таком случае изволь и вести себя с большей почтительностью!

Поприветствовав Марианну, он сел возле жены и, окинув взглядом собравшихся за столом, спросил:

– Дэнис не появлялся?

– Твой старший сынок пропадает где-то еще с вечера! – ехидно ответил Эдрик, наполняя кубок Робина светлым вином. – Ты бы последил за ним, если не хочешь неприятностей. И что за дурные манеры – приходите к столу позже графа?

Робин беспечно рассмеялся и откинулся на спинку кресла:

– Да вот он сам! Можешь выговорить все прямо Дэнису и оставить в покое его отца! – сказал он, кивая на лестницу.

Едва придерживаясь рукой за перила, по каменным ступеням в сад сбежал Дэнис. В начале ноября прошлого года ему минуло шестнадцать лет. Он был ростом почти с отца, но по-мальчишески угловат и тонок в стане. Миновав рубеж, отделявший детство от юности, Дэнис приобрел еще большее сходство с Виллом: такой же статный, широкоплечий, с правильными чертами лица, темными, коротко стриженными волосами. Стремительной легкой походкой он подошел к столу и улыбнулся лукавой и обезоруживающей улыбкой.

– Вылитый лорд Уильям в юности! – в сердцах сказал Эдрик, сурово глядя на Дэниса из-под сердито нахмуренных бровей. – И ровно столько же толку от моих выговоров!

Услышав слова Эдрика, Дэнис тут же спрятал улыбку и отвесил почтительный поклон Робину и Марианне.

– Ваша светлость! Миледи графиня! Приношу вам глубочайшие извинения за опоздание! – сказал он и обернулся к отцу: – Мой лорд!

Отец и сын с улыбками обменялись взглядами, в которых мелькнула тайная гордость друг другом. Несмотря на любовь, которую Вилл испытывал к детям, рожденным Тиль, старший сын неизменно занимал первое место в его сердце.

– Матушка! – и Дэнис склонился над рукой Тиль.

– Вот негодник! – фыркнула Тиль, ласково шлепнув Дэниса по руке.

Тиль совсем недавно исполнилось двадцать три года, и рядом с пасынком она выглядела его старшей сестрой. Дэнис рассмеялся, поцеловал Корвина и шутивно дернул за косички близнецов, весело осведомившись:

– Кто Мэг, кто Бэтси?

– Мэг! – звонко ответила одна из сестер, подставляя старшему брату щеку, испачканную мясным соусом.

– Значит, другая – Бэт! – улыбнулся Дэнис, целуя вторую сестру, которая так же, как и первая, успела перемазаться в соусе.

– Вас даже в этом не различить! – усмехнулся Вилл, вытирая дочерей, которые по очереди подставили ему личики.

– Лорд Дэнис! – раздался недовольный голос Гвендолен, когда тот, отвесив последний из поклонов Эдрику, собрался занять свое место за столом. – Вы уверены, что поздоровались со всеми?

Услышав вопрос, Дэнис замер над креслом, так и не опустившись в него, и посмотрел на девочку. Встретившись с его янтарными глазами, в которых играли золотистые искорки, и заметив дразнящую улыбку, мгновенно скрывшуюся в уголках подвижного рта юноши, Гвендолен невольно пожалела, что окликнула своего вечного насмешника, но отступить было поздно. Дэнис в одну секунду оказался возле нее, преклонил колено, завладел рукой Гвендолен и, несмотря на ее тайное сопротивление, поднес к губам.

– Прекрасная леди Гвен! – воскликнул он жарким шепотом. – Простите, я вас и впрямь не заметил! Надо будет попросить вашу няню, чтобы она подкладывала на ваше кресло еще парочку подушек. Иначе вас совсем не видно из-за стола!

– Избавьте меня от ваших советов, милорд! – высокомерно ответила Гвендолен, отнимая руку.

– Как?! – с притворным огорчением отозвался Дэнис. – Вы не рады меня видеть? Ах, мое бедное сердце навек разбито такой холодной встречей!

В синих глазах Гвендолен мелькнула растерянность, но она заметила улыбки, которые старательно пытались скрыть ее родители и Вилл с Тиль, и немедленно приняла неприступный вид.

– Напротив, милорд! Я безмерно счастлива тем, что вы наконец удосужились появиться в Веардруне, – чопорно поджав губы, она запустила руку в пряди темных волос Дэниса. – Скажите на милость, где вы нашли сегодня ночлег? Не иначе как на конюшне! – и Гвендолен с невозможно высокомерным выражением лица выудила из волос Дэниса застрявшую в них сухую травинку.

– Моя несравненная леди Гвен, вы еще слишком малы, чтобы понять всю прелесть ночлега на конюшне! – ответил Дэнис, сопроводив слова томным вздохом, за что тут же получил подзатыльник от Эдрика.

– Ну-ка немедленно сядь за стол и оставь в покое леди Гвендолен! – потребовал Эдрик и выразительно посмотрел на Вилла: – Лорд Уильям, я вам еще раз настоятельно рекомендую последить за старшим сыном!

Эдрик по-прежнему считал всех, кто носил имя Рочестеров, своей собственностью и постоянно донимал Вилла жалобами на Дэниса, которые живо напоминали Виллу такие же жалобы Эдрика, но только на него самого в юности. Едва заметно шевельнув бровью, Вилл указал Дэнису глазами на место напротив себя. Повинуясь взгляду отца, Дэнис мгновенно оказался за столом.

– Где ты пропал? – тихо спросил Вилл.

Дэнис нехотя пожал плечами в ответ. Заметив, что отец смотрит на него с прежней настойчивостью и ждет ответа, он глубоко вздохнул и буркнул:

– Да что ты, в самом деле! Я ведь уже не маленький!

– В том-то и дело, что слишком взрослый! – хмыкнул Вилл.

Марианна, слышавшая их разговор, с трудом удержалась от улыбки. Отец и сын слишком походили друг на друга! Вот и сейчас они обменялись одинаково насмешливыми взглядами, которые говорили о том, что для Вилла не составляет секрета, чем сын занимается по ночам, а Дэнис прекрасно понимает, что отец не намерен делать ему строгий выговор.

Несколько дней назад у Марианны состоялся разговор с Дэнисом по поводу молоденькой служанки, которая, заливаясь слезами, упала к ногам графини и призналась в беременности при отсутствии того, кто пожелал бы взять ее замуж. Когда Марианна осведомилась об отце будущего ребенка, девушка, запинаясь, указала на Дэниса. Выслушав Марианну, Дэнис лишь ухмыльнулся, сверкнув ясными янтарными глазами.

– Побойся Бога, леди Мэри! – фыркнул он. – Не собираешься же ты женить меня на девице, в чьей постели перебивали все ратники Веардруна? Она только по глупости указывает на меня. Поверь, я получил достаточно наставлений и от отца, и от крестного, чтобы суметь избежать таких последствий!

– Зачем же ты отправился к ней в постель, если знал, что там грелось столько народа? – в сердцах спросила Марианна.

Дэнис рассмеялся и развел руками.

– Я не мог отказать даме, да еще когда она была так настойчива! – ответил он и улынулся обворожительной улыбкой, при виде которой Марианна сама не удержалась от смеха, лишь укоризненно покачав головой.

– От кого послания? – спросил Вилл, указав на письма.

– Два из Лондона – от Артура и Уильяма Лонгспи. Одно от Реджинальда – обещает приехать в гости, – ответил Робин.

Обед закончился, но в саду было так чудесно, что все, не сговариваясь, остались. Дэнис подал кубки с вином Робину и Виллу и сам с кубком в руке устроился рядом на траве.

– Что пишут Артур и Уильям? Какие новости при дворе?

– Иоанн намеревается воевать с королем Филиппом за нормандские владения, – ответил Робин, одновременно отдавая Марианне письмо Реджинальда.

– Покойный Ричард не мог совладать с Филиппом! – усмехнулся Вилл. – Где уже тягаться с ним Иоанну!

– Примерно такой тон и в обоих письмах – что Артура, что Уильяма, – сказал Робин и нахмурился. – Судя по всему, война затянется, и, возможно, не на один год. Король Филипп твердо нацелен на приращение земель к своему королевству. Если Иоанн погрязнет в войне на континенте, в Англии опять настанут смутные времена. Только на этот раз без надежды на возвращение короля, к которому питали уважение. Иоанна боятся, ненавидят, но сильного властителя в нем не видит никто.

– Заскучал? – спросил Вилл, внимательно глядя на брата.

– По войне? – усмехнулся Робин и отрицательно покачал головой. – Нет. Я вдоволь навоевался под знаменами Ричарда, а Иоанн меня, к счастью, не призовет. Отделаюсь деньгами или войском, собранным в нормандском владении. И знаешь, Вилл, мне совсем не по душе воевать с королем Филиппом. Он несравнимо более достойный король, чем Иоанн. Ему не занимать ума. Достаточно вспомнить, с какой легкостью он обводил вокруг пальца Ричарда!

– Опасные речи ведешь, Робин! – заметил Вилл. – Долети твои слова до Иоанна, и он не преминет заподозрить тебя в измене, если не обвинит сразу, учитывая его подозрительность!

– Так ведь я их только с тобой и веду! – рассмеялся Робин. – Вассальная присяга Иоанну не оставляет мне выбора.

Вилл не поддержал его смех, став серьезным:

– Помнишь, когда пришла весть о смерти короля Ричарда, ты, будучи в Лондоне, поддержал принца Джона в его претензиях на опустевший трон, а не племянника Ричарда – Артура Бретонского? И вот принц Джон стал королем Иоанном. Ты до сих пор не сожалешь о своем решении?

– В те дни не было иного выбора. Намерение Иоанна занять трон получило единодушное одобрение всех титулованных лордов королевства. Артур тоже не был подарком. Уже в столь малом возрасте он проявлял огромное высокомерие и заносчивость. В части прав на корону

он не уступал Иоанну, но его слишком юный возраст и чересчур властная мать послужили вескими основаниями для всех предпочтений дядю племяннику. К тому же он был воспитан королем Франции, ни разу до гибели Ричарда не был в Англии. Нормандия и Анжу приняли бы его, англичане – нет! – спокойно возразил Робин и с горечью усмехнулся: – А сожалел ли я? Да, Вилл, я почувствовал сожаление, когда стало известно, как король Иоанн обошелся с принцем Артуром.

– Как же? – живо поинтересовался Дэнис. – Разные ходили слухи, одни противоречивее других.

Склонившись, Робин потрепал юношу по голове и с невеселой улыбкой ответил:

– Его держали в Нормандии в замке Фалез под надежной охраной. Но Иоанн решил, что племянник представляет собой опасность, даже оставаясь узником. По королевскому приказу принца Артура должны были тайно убить, вначале ослепив и превратив в скопца.

Дэнис на миг онемел и, запрокинув голову, с недоверием посмотрел на Робина.

– Зачем?!

– Что зачем, Дэн?

– Зачем поступать так жестоко? Если принца все равно обрекли на смерть... – не договорив, он судорожно сглотнул.

– Затем, что Иоанн жесток, Дэн, и получает удовольствие от жестокости, к кому бы ни проявлял ее – к женщинам или мужчинам.

– Крестный, ты сказал – должны были убить. Значит, его не убили?

– В тот раз нет. Комендант Фалеза лорд де Бург пожалел юношу и спрятал его в подземельях замка. Иоанну доложили, что приказ исполнен, но Артур тогда был еще жив, что пошло на пользу самому Иоанну, когда весть о том, как он повелел обойтись с племянником, повсеместно распространилась стараниями короля Филиппа.

– Начались волнения, которые усиливались день ото дня, грозя превратиться в бурю, которая смела бы Иоанна с трона, – пояснил Вилл в ответ на вопросительный взгляд сына. – Иоанн не знал, что предпринять. Тогда лорд де Бург, спасший принца Артура, открыл ему тайну, рискуя лишиться головы.

– Но вместо наказания был осыпан почестями и наградами, – усмехнулся Робин. – Слишком кстати принц Артур оказался жив! Юношу перевезли из Фалеза в Руан, где предоставили ему относительную свободу, чтобы все смогли убедиться в ложности слухов. Иоанн впал в образ оскорбленной добродетели, волнения улеглись.

– Так принц Артур до сих пор жив?! – спросил Дэнис.

– Нет. Иоанн однажды приехал в Руан и уединился с племянником на весь вечер, до самой ночи. А утром обнаружилось, что Артур исчез. Иоанн и его приспешники уверяли, что принц сбежал из Руана, но через несколько дней рыбаки вытащили из реки тело юноши. На нем были следы страшных побоев, лицо разбито и изуродовано. Только по одежде и опознали принца Артура! Вероятнее всего, Иоанн сам забил его до смерти, – ответил Робин и вновь обратил взгляд на брата: – Не я один ужаснулся судьбе принца Артура, но что-либо менять было поздно, Вилл. Ах, если бы Ричард поступил своими склонностями, пересилил холодность к жене и оставил наследника! Все сложилось бы иначе.

– Да, и ты был бы сейчас в регентском совете, а не томился бездействием, – кивнул в ответ Вилл.

Робин рассмеялся и задумчиво посмотрел в небо, раскинувшееся над Веардруном куполом – лазурным, как стяг Рочестеров.

– Грех сетовать, Вилл. Судьба обошлась со мной более милостиво, чем с нашим отцом.

Вилл иронично вскинул бровь, собираясь о чем-то сказать, но промолчал, поймав быстрый предостерегающий взгляд брата и заметив выразительное движение его брови в сторону Марианны.

– А королева Беренгария красивая? – вновь встрял в разговор Дэнис. – Отец, крестный, вам доводилось видеть ее?

– Доводилось, – ответил вместо Робина Вилл. – Да, сынок, она весьма хороша собой, но для покойного короля Ричарда любой смазливый менестрель был милее королевы. Как бы ни восхваляли Ричарда за отвагу и доблесть, он не исполнил одной из важнейших обязанностей короля – не оставив после себя сыновей.

Печальная участь племянника короля глубоко взволновала Дэниса, и он упрекнул Вилла и Робина:

– Никто из вас прежде не рассказывал мне о принце Артуре, а ведь я спрашивал! Почему, если вы знали, что с ним случилось?

– Ты был еще мал для подобных откровений, – ответил Вилл таким тоном, что Дэнис предпочел воздержаться от новых вопросов.

Все еще находясь под впечатлением от услышанного, Дэнис впал в глубокую задумчивость. Покачав головой, он, сам того не заметив, прикрыл ладонью пах, чем рассмешил Вилла до слез.

– А глазами, выходит, ты не так дорожишь? Ну правильно, ты же настолько шустрый, что отыщешь девчонку на ощупь, а то и по запаху!

Марианна, перебравшаяся из-за стола на качели, перестала прислушиваться к негромким голосам Робина и Вилла и самой беседе и углубилась в письмо Реджинальда. Читая, она не могла отделаться от ощущения тревоги. Несмотря на то что тон письма был обычным для Реджинальда – приветливым, добрым и веселым, от него так и веяло грустью. Не от слов, а от самого пергамента, исписанного ровными строчками, словно перо окуналось не в чернила, а в душу Реджинальда. В письме были только хорошие вести, описание семейных событий, полное тепла и юмора, но Марианна ничего не могла поделать с собой. Она была уверена, что Реджинальд не обрел счастье в браке, на котором настоял вопреки усилиям Марианны отговорить его. Она любила подругу, от всего сердца желала ей счастья, но беда заключалась в том, что сама Клэрэнс не желала себе ни любви, ни счастья. И, не желая их для себя, она лишила их и Реджинальда. Покой – вот все, что ей было нужно от жизни, и она получила его в полной мере, окруженная теплом души Реджинальда, не думая о том, что сам он в покое не нуждался. Она по собственной воле приняла решение стать его женой. Робин, который полностью разделял опасения Марианны, ни в коей мере не склонял сестру к новому замужеству и тоже предпринял попытку еще раз убедить Реджинальда отступить от Клэрэнс. Реджинальд выслушал Робина, согласился со всеми его доводами и ответил, что справится сам с пагубными последствиями, если они действительно подступят.

Реджинальд! Черноволосый эльфийский принц с ясными серебристыми глазами, маг и воин! Он сумел сделать так, что Клэрэнс, сперва не замечавшая его присутствия, очень скоро стала нуждаться в нем, вдруг обнаруживая, что его нет рядом. Вначале с удивлением оглядываясь вокруг, не находя его и забывая о нем. Потом ожидая приездов Реджинальда в Веардрун все с большим нетерпением, потом с радостью. Ее маленький сын не слезал с колен Реджинальда, сама Клэрэнс не отходила от него, и он сделал ей предложение, когда она сама уже хотела выйти за него замуж. Вот только себе она так и не призналась в этом желании.

Дэнис, утомившись чинно сидеть на траве рядом с креслами Робина и Вилла, присоединился к играм сестер и Гвендолен с таким азартом, словно и ему было столько же лет, сколько девочкам. Маленький Корвин тут же соскользнул с колен матери и попытался угнаться за старшим братом, но безуспешно. Тогда малыш плюхнулся на четвереньки и, словно резвый щенок, поймал Дэниса за сапог. Довольно нахмутив брови, Корвин поднялся на ноги и запрыгал, вытянув руки вверх.

– Дэн! Поймай меня!

– Поймать тебя? Вот уж не сложная задача, когда зверь сам идет на ловца! – рассмеялся Дэнис и подхватил Корвина на руки. – Какой же ты упорный, львенок!

Светловолосый и ясноглазый Корвин и в самом деле напоминал львенка – особенно когда с царственным и важным видом шествовал по галереям и залам Веардруна.

– Да ты, я гляжу, подрос за пару дней, что мы с тобой не виделись! – забавлялся Дэнис, подбрасывая и ловя младшего брата. – Я и держу-то тебя с трудом!

– И стал сильнее! – заявил Корвин.

– Сильнее?! – Дэнис расхохотался. – Докажи-ка свою силу!

Сощутив янтарные глаза и прикусив губу от усердия, Корвин запустил маленькую пятерню в волосы Дэниса и потянул на себя схваченную прядь. Непритворно взыв от боли, Дэнис помотал головой и, расцепив пальцы брата, передал Корвина Тиль. Маргарет и Элизабет тут же с веселым визгом повисли на его руках. Гвендолен, недовольно нахмурившись, осталась стоять в стороне. Внезапно на ее лице появилась хитрая улыбка, Гвендолен с разбегу прыгнула на Дэниса и, цепляясь за штаны, пояс и рубашку, вскарабкалась на юношу и крепко обхватила руками его шею. Забравшись ему на плечи, как на лошадь, она гордо посмотрела сверху на сестричек.

Звонкие голоса и смех отвлекли Марианну от письма брата. Она посмотрела на Гвендолен и невольно вздохнула. Король обязан продолжить себя в сыновьях, вспомнила она недавно сказанные Виллом слова. А граф? Разве мужчина – что титулованный лорд, что простолюдин – не ждет от жены сыновей? У Вилла уже два сына, у Робина – ни одного.

Маленькая Гвендолен – отрада ее сердца – была у них с Робинем единственным ребенком вместо многих, о которых когда-то мечталось. В том нет вины Робина: он-то, в отличие от короля Ричарда, не пренебрегал супружеским ложем. За годы брака взаимное влечение Робина и Марианны не остыло и в самой малости, но... После рождения дочери Марианна еще дважды беременела, и обе беременности закончились выкидышами. Если первый она перенесла с умеренным огорчением, то второй – очень тяжелый сам по себе – поверг ее в глубокое отчаяние. Робину тогда удалось утешить Марианну, сказав, что с его матерью была такая же история, но потом родилась Клэрэнс.

Привыкнув доверять ему во всем, Марианна успокоилась. Но все ее ожидания оказались напрасными: она перестала беременеть, и за несколько лет уже смирилась с постигшим ее бесплодием. Робин казался совершенно не обеспокоенным тем, что ему наследует дочь, а не сын. Он бесконечно любил Гвендолен и ничем не выказывал огорчения, что она его единственный ребенок. Но был ли он действительно не опечален этим, Марианна в точности не знала. Он любил детей, и те отвечали ему горячей привязанностью. Вся детская стайка Веардруна могла кружить рядом с ним часами, когда у него было время для игр и разговоров.

Еще раз вздохнув, Марианна прогнала грустные мысли и хотела вернуться к письму, когда до нее долетел приглушенный голос Вилла:

– Ты окончательно решил ограничиться одной дочерью, Робин?

Марианна даже замерла от неожиданности – настолько вопрос Вилла оказался созвучен тому, над чем она только что размышляла. Делая вид, что она полностью поглощена чтением письма, Марианна напряженно застыла, ожидая, как Робин ответит брату. Тот после недолгого молчания сказал:

– Все в воле богов, Вилл.

– И в твоей воле?

Она услышала в голосе Вилла усмешку.

Негромкий спокойный голос Робина ответил на иронию брата полным согласием:

– И в моей воле.

Еще не уверившись в том, что она все верно расслышала, Марианна подняла глаза и столкнулась с глазами Вилла. В них мгновенно мелькнула тень досады, и Вилл тут же отвел

взгляд в сторону, чем только утвердил Марианну в подозрениях. Он без малейшей заминки заговорил с братом о новых ратниках, но его голос звучал чересчур бодро и громче обычного. Марианна посмотрела на Робина, он встретился с ней взглядом и улыбнулся, не прерывая разговора с Виллом.

Не став ни о чем спрашивать сейчас, она твердо решила поговорить с Робин о том, что он ответил на вопрос брата. Вот только захочет ли Робин что-либо объяснить ей? В этом Марианна была далеко не уверена. Внешне оставшийся прежним, Робин на самом деле изменился со времени своей последней встречи с королем Иоанном. Изменился не в своей сути, а в отношениях с Марианной. В нем появилась неявная замкнутость, какой-то тайник в душе, в котором он что-то скрывал именно от нее.

Она постаралась в течение дня не подавать виду, что взволнована, и дождалась вечера, когда Робин, закончив дневные заботы, пришел в спальню. Марианна ждала его, стоя перед зеркалом и расчесывая волосы перед сном. Он подошел к ней, обнял и поцеловал в затылок – так, как делал каждый вечер. Зеркало отразило его лицо, выражавшее полное удовлетворение тем, как прошел день, и глаза, в которых была теплая синева вечернего неба. И, улыбнувшись ему, Марианна подумала, что, может быть, не стоит ни о чем спрашивать: все равно ничего не скажет. С недавних пор у него появилась привычка умалчивать от Марианны то, чего ей, по его мнению, не следует знать.

Оставив Марианну, Робин, еще не раздеваясь, растянулся на постели и, заложив руки за голову, с улыбкой наблюдал за скольжением гребня по светлым волнам ее волос. Марианна же, глядя в зеркало, напряженно раздумывала, должна ли она окончательно смириться с молчанием Робина, даже если оно затрагивало именно ее. Наконец решившись, Марианна тихо, но твердо сказала:

– Робин, я хочу поговорить с тобой.

– О чем, мое сердце? – спросил Робин, изогнув бровь, когда услышал в ее голосе пока еще неявный стальной отзвук.

Марианна отложила гребень, подошла к Робину и присела на постель рядом с ним.

– О том, почему у нас с тобой только один ребенок.

Она посмотрела ему в глаза, которые ответили ей скользящим безоблачным взглядом и укрылись в длинных ресницах.

– Я должен принять твои слова за упрек? – рассмеялся Робин. – Ты несправедлива, моя леди! Особенно после сегодняшней ночи.

Он приподнял руку, и его пальцы заскользили по ее руке – от запястья вверх, к сгибу локтя – вкрадчивыми и ласкающими прикосновениями. Марианна перехватила его руку и решительно отвела в сторону.

– Робин, я спрашиваю тебя со всей серьезностью! – настойчиво сказала она.

Посмотрев на Марианну из-под ресниц, Робин убедился, что она действительно настроена серьезно и даже чуточку воинственно, и вздохнул. Рывком поднявшись с кровати, он подошел к столику, на котором стояли кувшин с легким вином и кубки, наполнил один и поднес к губам.

– Какого же ответа ты ждешь от меня, Мэри? – спросил он, не оборачиваясь к ней, сделал глоток и, помедлив, словно в раздумьях, пожал плечами: – Человеческое тело – загадка. Тело женщины – загадка вдвойне!

– Я бы не стала тебя спрашивать, если бы моим мужем не был именно ты! – сказала Марианна, настойчиво глядя ему в спину. – В постели со мной ты не соблюдаешь осторожность, значит, дело в другом. В чем, Робин?

Он глубоко вздохнул, поставил почти нетронутый кубок обратно на столик и обернулся к Марианне. Робин долго молчал, глядя в ее требовательные, ожидающие ответа глаза, и негромко, но безапелляционно сказал:

– В том, что я не хочу твоей смерти. Мне не заменит тебя целая дюжина сыновей.

– Моей смерти? – переспросила донельзя удивленная Марианна. – А почему ты решил, что мне грозит опасность умереть именно так?

Робин сел в кресло, положив руки на подлокотники, и внимательно посмотрел на Марианну.

– Потому, мой ангел, что это уже едва не произошло с тобой дважды, – с усмешкой сказал он, не спуская с нее непреклонных глаз.

– Если ты вспомнил о той истории в Шервуде, то это было давно, и только однажды, – медленно проговорила Марианна.

– Спасибо, что напомнила! – усмехнулся Робин. – Тот случай я забыл учесть. Значит, трижды. Первый раз в Шервуде. Второй – в родах, когда на свет появилась Гвен. Ну-ка вспомни, как все тогда происходило!

Он выразительно посмотрел на Марианну, и она вместо ответа провела ладонью по шее. Напоминание о муках, затянувшихся дольше положенного, отозвалось острой резью в горле, которое она надорвала тогда в криках.

– Вспомнила, – утвердительно сказал Робин, не спускавший с Марианны прищуренных глаз. – И третий – когда у тебя был последний выкидыш. До сих пор не знаю, что тебя спасло! Наверное, молитвы всего Веардруна, потому что мне никак не удавалось остановить у тебя кровотечение. А когда кровь все-таки остановилась, тебя удалось удержать только тем, что Вилл и я по очереди дежурили у твоей постели, отдавая тебе свою силу. И за те дни и ночи, что ты провела в беспомощности, мы оба почти исчерпали себя. Когда ты наконец очнулась и открыла глаза, я решил, что четвертого раза не будет. Поиграли со смертью – и достаточно.

– Но ведь ты сам тогда уговаривал меня не отчаиваться! – воскликнула Марианна. – Сказал, что у твоей матери было то же самое, но потом родилась Клэр.

На губах Робина появилась невыразимо мрачная улыбка, и он медленно покачал головой:

– И чтобы ты не отчаивалась, я не стал упоминать то, о чем ты забыла. Моя мать умерла, рожая Клэр.

Они молча посмотрели друг на друга, и Робин тихо сказал с бесконечной печалью:

– Я очень любил ее. Ее смерть была для меня огромным горем и причинила мне настолько сильную боль, что даже сейчас я стараюсь не вспоминать о тех днях. И когда с тобой стало повторяться то, что происходило с ней, я понял, что все закончится плохо. Попытки, которым тебя подвергли в Ноттингеме, не прошли бесследно. Поэтому я решил принять необходимые меры и принял их.

– Какие меры? – спросила Марианна.

Резкий короткий смешок Робина дал понять, что она задала напрасный вопрос: он не скажет ей.

– Ты ведь сам когда-то говорил, что не хочешь поить меня отравой!

– Все совершенно безвредно для тебя, милая, – спокойно и непререкаемо ответил Робин и, поймав сосредоточенный взгляд Марианны, улыбнулся с толикой снисходительности: – Даже не пытайся! Тебе не удастся понять без моей подсказки, а я тебе ничего говорить не намерен!

Она усмехнулась и поднялась с постели. Он тоже встал с кресла, и они оказались напротив друг друга, на расстоянии всего лишь шага, но оба чувствуя себя так, словно их разделял континент.

– Хорошо, Робин, – наконец сказала Марианна, – храни при себе свои тайны – и эту, и остальные, которые у тебя появились, запретные для меня.

Она резко отвернула голову в сторону, чтобы больше не встречаться с ним взглядом. Робин глубоко вздохнул, шагнул к ней и, оказавшись рядом с Марианной вплотную, обнял за плечи.

– Чем вызвано твое негодование? – спросил он. – Тем, что у нас с тобой только одна дочь? Но я тебе много раз говорил, что мне достаточно одной Гвен. Ты родила мне чудесную девочку, которая стоит десятка сыновей!

– В последнюю ночь в Шервуде ты обещал мне больше, – напомнила Марианна, упорно глядя мимо него.

– Да, – подтвердил Робин, – но не судьба, Мэриан!

Марианна задохнулась от возмущения и посмотрела Робину в глаза, ослепив его блеском негодующих глаз.

– Не смей вспоминать о судьбе, когда именно ты принял решение! Ты говорил, что отцом рожденных мною детей будешь только ты, а сам отказал мне в детях. И даже не счел нужным обсудить это со мной! Просто за моей спиной дал указание что-то подсыпать мне в еду или питье, не спросив, что думаю я на этот счет, не сказав мне ни слова.

Понимая, что именно его скрытность и есть причина ее гнева, и признавая отчасти справедливость ее возмущения, Робин долго молчал, изучая лицо Марианны.

– Если бы сказал, ты согласилась бы со мной? – наконец спросил он.

Она, не ответив, высвободилась из его объятий и заходила по комнате, низко склонив голову и крепко обхватив себя руками. Робин неотрывно следил за ней взглядом. Так и не дождавшись ответа, он снова взял со столика отставленный было кубок с вином.

– Ты сама не знаешь, чем бы ответила мне – согласием или отказом, – усмехнулся он, сделав глоток. – Пойми меня и перестань сердиться! Я не мог рисковать твоей жизнью!

Она остановилась напротив него и подняла на Робина глаза, полные горечи.

– А моим доверием ты рискнул не задумываясь! – тихо сказала Марианна. – Все годы, что мы прожили вместе, ты говорил мне, что у тебя нет тайн от меня, а на деле оказалось, что есть. Вот открылась одна – и сколько неоткрытых тайн осталось? С тех пор как ты вернулся из Лондона, между нами все изменилось. Ты словно возвел стену между мной и собой, и в этой стене есть дверь, но только для тебя. Стоит тебе закрыть ее за своей спиной, и мне бесполезно стучаться. Я вижу только непроницаемость в твоих глазах, на все мои попытки узнать, что происходит, ты отвечаешь незначущими словами и такой же ничего не означающей улыбкой!

– Мэри! – устало вздохнул Робин. – Я прошу тебя! Если ты захочешь вернуться к этому разговору, то давай продолжим его завтра. А сейчас уже скоро полночь, пора лечь в постель.

– И что же? – сухо рассмеялась Марианна. – Ты уверен в том, что завтра я позабуду об этом разговоре? Думаешь, что любовная близость с тобой ночью вернет мне иллюзию взаимного доверия? Ошибаешься, Робин. Я вообще больше не вижу смысла нам спать в одной постели! Ради чего? Чтобы после каждый раз еще острее ощущать свою бесплодность? Чувствовать себя пустым сосудом? Думаю, нам надо обустроить отдельные спальни, – совсем тихо закончила она.

Робин со стуком поставил кубок на стол и, сложив руки на груди, посмотрел на Марианну сузившимися, посветлевшими льдом глазами.

– Я правильно сейчас понял, что ты решила поступиться данным тобой брачным обетом и отказала мне от ложа? – спросил он.

Получив в ответ непреклонный взгляд Марианны, он усмехнулся:

– А ты понимаешь, что и я в этом случае могу нарушить данные тебе клятвы и заменить тебя в постели другими женщинами?

Заметив, как ее глаза вспыхнули возмущением, Робин недобро рассмеялся:

– Подумай над этим, дорогая! Ты действительно хочешь, чтобы я поступил так, как сказал?

Его смех стал последней каплей, переполнившей чашу ее обиды и гнева. Гордо вскинув голову, она посмотрела Робину в лицо и жестко сказала:

– Ты в своем праве! Поступай, как считаешь нужным. Полагаю, что у тебя не может быть претензий ко мне, если и я тогда поищу утешение не в твоих объятиях!

Сильная пощечина, наотмашь хлестнувшая ее по лицу, опрокинула Марианну на пол и заставила замолчать. Невольно прижав ладонь к щеке, она, не веря своим глазам, посмотрела на Робина. Он стоял перед ней, с чрезмерным вниманием разглядывая руку, которой ударил Марианну, сжимая и разжимая пальцы. По его лицу пробежала судорога, губы крепко сжались, потом лицо стало абсолютно спокойным. Он наконец посмотрел на Марианну, и в его глазах была пустая мертвая синь.

Не сказав ни слова, он склонился к ней, поднял на руки и отнес на постель. Подавленная Марианна без протестов подчинилась нажиму его руки и легла. Робин пробежал кончиками пальцев по опухающей щеке, сделал компресс и прижал его к лицу Марианны. Положив поверх компресса ее ладонь, так чтобы она сама удерживала пропитанную травяным настоем ткань, он укрыл Марианну покрывалом и ушел, бесшумно закрыв за собой дверь. Не оглянувшись, не проронив ни слова.

Глава вторая

Марианна была так потрясена случившимся, что не сомкнула глаз до рассвета. У них и прежде случались размолвки, но и Робин и она – каждый стремился к скорейшему примирению, и ни одна ссора не длилась дольше четверти часа. И никогда Робин даже не повышал голос, не то чтобы поднять на нее руку, как в этот раз.

Щека, несмотря на компресс, болела ноющей болью, но еще сильнее болело сердце, когда Марианна вспоминала все резкие, намеренно причиняющие боль слова, которыми они обменялись. Она очень надеялась, что он вернется. Но прошел час, второй, а Робин так и не пришел. Она не отважилась пойти на его поиски, чтобы ночью не всполошить обитателей замка, и терпеливо ждала возвращения Робина до рассвета. Он не вернулся.

Наступил обычный час пробуждения, и Марианна поднялась с постели. Подойдя к зеркалу, она посмотрела на себя и даже присвистнула, тут же сморщившись от боли. Вся правая сторона лица опухла и затекла багровым цветом. Уголок глаза был окружен кровоподтеком, который ей не удалось запудрить, как она ни старалась. Обычно она оставляла голову и лицо открытыми, но сегодня ей пришлось надеть головное покрывало, обтянув им лицо как можно плотнее, чтобы скрыть следы удара. Отражение в зеркале ясно указывало, что ее уловки не слишком удались, но ничего больше она придумать не смогла – если только совсем закрыть лицо вуалью, но это вызвало бы не меньше вопросов, чем то лицо, которое она видела в зеркале.

В спальню заглянула служанка Марианны Адела, удивленная, что графиня до сих пор не позвала ее. Еще больше она удивилась, найдя Марианну полностью одетой, в головном покрывале, а бросив взгляд на ее лицо, испуганно ахнула.

– Адела, найди его светлость и передай, что я прошу его прийти! – сказала Марианна.

Служанка, присев в реверансе, скрылась за дверью и очень быстро вернулась с известием о том, что граф Хантингтон покинул Веардрун около полуночи, добавив при этом, что лорд Уильям здесь и хочет видеть графиню.

– Нет, – ответила Марианна и махнула рукой в знак того, чтобы девушка оставила ее одну.

Она в невеселой задумчивости подошла к окну. Около полуночи... Значит, он уехал из Веардруна сразу, как только ушел из спальни, не раздумывая и не медля ни минуты. Куда он отправился и когда намерен вернуться?

– Что значит: ее светлость не может меня принять?! – раздался за дверью голос Вилла, заглушая торопливо возражающий голос Аделы. – Я пришел к госпоже по делу, а не с визитом вежливости!

Судя по тому, что дверь распахнулась и на пороге появился Вилл, сопротивление Аделы было подавлено без особых усилий.

– Какое дело заставляет тебя врваться ко мне? – спросила Марианна, отвернувшись от окна, но встав так, чтобы оставаться в тени.

Шикнув на Аделу, которая тут же исчезла, Вилл подошел к Марианне. Ухищрения скрыть от него лицо в полумраке остались напрасными: Вилл заставил ее развернуться так, чтобы солнечный свет упал на Марианну, и бесцеремонно стащил с нее головное покрывало. Оглядев Марианну, он лишь тихо присвистнул и отпустил ее подбородок.

– Рассказывай! – потребовал Вилл и, когда Марианна промолчала, повысил голос: – Рассказывай обо всем, что произошло! Иначе как я смогу помочь вам обоим?!

Марианна, вздохнув, указала рукой на кресло, куда он сел, вытянув ноги, и впился в нее острым выжидательным взглядом. Сев напротив, она тихим монотонным голосом рассказала все подробности ночной ссоры с Робинем.

– Я так и знал, что ты вчера услышала наш разговор! – с досадой воскликнул Вилл, когда Марианна замолчала. – И по твоему безмятежному лицу догадался, что добром это не кончится! И надо же было мне самому, из пустого любопытства!..

Оборвав себя на полуслове, Вилл поднялся с кресла и заходил по комнате, сложив руки на груди. Его лицо, и без того напряженное, стало совсем мрачным.

– Каких слов ты от меня ждешь? – резко спросил он, чувствуя на себе ее взгляд, остановился перед Марианной и посмотрел на нее с гневом и осуждением. – Думаешь, я похвалю тебя за то, что ты пригрозила ему нарушением брачных обетов?

– Нет, конечно, – усмехнулась Марианна, – ведь твой брат прав всегда и во всем.

Вилл окинул ее долгим сожалеющим взглядом и тихо спросил:

– Он рассказывал тебе о леди Луизе?

Марианна молча кивнула.

– А о ее смерти? – настойчиво спросил Вилл и, когда она промолчала, ответил за нее сам: – Нет, об этом – я уверен! – он только упоминал, но никогда не рассказывал даже тебе. Знаешь почему? Робин был сильно привязан к матери. Ее смерть причинила ему такую боль, что он возненавидел новорожденную сестру, считая Клэр виноватой в том, что леди Луиза умерла. Он полгода не мог заставить себя войти в комнату, где стояла ее колыбель, не то что подойти к сестре. Он отказался и в церковь идти на ее крестины. Отцу пришлось часто и подолгу разговаривать с ним, прежде чем он смог переломить в Робине такое отношение к Клэр и убедить его в том, что малышка ни в чем не повинна.

Не спуская глаз с Марианны, Вилл после недолгого молчания продолжил:

– И вот теперь представь, что перед ним встала угроза точно так же потерять тебя. Как ты думаешь, он покорно положится на судьбу или попытается отвести от тебя подобную опасность?

– Забота обо мне – достаточная причина что-либо предпринимать за моей спиной?

– Более чем! – отрезал Вилл. – Как твой муж он вправе принять любое решение относительно тебя, не обсуждая его с тобой! Ты слишком привыкла к свободе, которую он тебе предоставил. Привыкла, но не удосужилась понять, что такая свобода чрезмерна для женщины! Да если бы на его месте оказался я и услышал от жены то, что услышал он, ты бы так легко не отделалась! Он еще мягко обошелся с тобой!

Марианна хотела съязвить, но гневный взгляд Вилла заставил ее сдержаться и промолчать.

– Ты знаешь, где он сейчас? – только и спросила она, не слишком надеясь на ответ, и не ошиблась.

– Знаю. Но он запретил говорить об этом тебе. Ты должна оставаться в Веардруне до его возвращения. Это приказ, Марианна, и мой тебе совет: не вздумай нарушить его! Ради себя самой не ищи сейчас встречи с Робинем. Я в жизни не видел брата в таком гневе, в каком он пребывал, покидая ночью Веардрун! Робин... Ему нужно время, чтобы справиться с гневом, а тебе – залечить следы его пощечины.

Проведя ладонью по ее лицу, Вилл сочувственно поморщился и, смягчившись, сказал:

– Не выходи сегодня на люди, Мэриан. Даже Гвен к себе не пускай. Веардрун и так весь в неясном смятении из-за внезапного отъезда Робина – а если еще увидят твое лицо!.. Придумай любой предлог, а я скажу Тиль, чтобы сегодня она взяла на себя твои обязанности.

Марианна склонила голову, прикоснувшись лбом к его плечу, и почувствовала, как ладонь Вилла ласково погладила ее по голове.

– Не отчаивайся. Я уверен, что все обойдется. Только дай ему время остыть!

Она благодарно кивнула. Вилл был уже в дверях, когда его остановил ее вопрос:

– А что сделал бы ты, оказавшись на его месте?

Он повернул голову, посмотрел на Марианну и усмехнулся:

– Даже не пытайся представить! К счастью, Тиль и в голову не придет дерзость, на которую способна ты.

Вилл ушел, оставив Марианну одну. Последовав его совету, она вышла из своих покоев только на следующее утро, когда опухоль на лице почти спала, а цвет кожи если еще и не стал обычным, то все же был не таким багровым, и головное покрывало могло скрыть след пощечины. Несмотря на то что ее никто ни о чем не осмелился спрашивать, а сама она никому и ничего не собиралась объяснять и вела себя как обычно, все в Веардруне почувствовали, что происходит неладное. Эдрик молчал и только тяжело вздыхал. Гвендолен, для которой Марианна придумала объяснение отъезда Робина, была подавлена, забросила игры, забыла даже о своем новом любимце – вороном пони. Она усиленно занималась с учителями, а встречаясь с Марианной, молча смотрела на мать вопросительным тоскующим взглядом.

Когда третий день отсутствия Робина был на исходе, Марианна, не выдержав, позвала к себе Дэниса.

– Леди Мэри! – взмолился Дэнис, едва она устремила на него требовательный взгляд. – Я не могу сказать тебе, где крестный! Отец убьет меня!

Она уже была готова отпустить юношу и оставить его в покое, когда Дэнис, заметив в ее глазах смесь печали и отчаяния, не выдержав, вздохнул.

– Ох, ладно! Не могу тебя видеть такой! – он внимательно посмотрел на Марианну и спросил: – Тебе чем-то поможет, если я скажу, что он взял с собой Артоса?

Марианна улыбнулась. Артос – мощный большой волкодав – был любимой охотничьей собакой Робина. Значит, Робин уехал в лесные угодья, в охотничий дом, который находился в нескольких часах пути от Веардруна. Робин любил иногда там уединяться от суеты жизни наместника и часто брал с собой Марианну, отчего этот дом, далеко не такой скромный, все равно напоминал ей дом Эллен в Шервуде.

– Значит, помогло! – снова вздохнул Дэнис, заметив ее улыбку, и горячо попросил: – Только не выдавай меня отцу! А то он так надерет мне уши, что я до Рождества буду помнить!

– Не выдам, Дэн, – пообещала Марианна. – В сущности, ты мне толком ничего не сказал, поэтому не чувствуй себя виноватым перед Виллом.

– Да, как же! – хмыкнул Дэнис, сильно сомневаясь, что и Вилл не счел бы его слова откровенной подсказкой.

Воспользовавшись тем, что на следующий день Вилл был вынужден покинуть Веардрун, заменяя Робина в делах обширных владений, Марианна во второй половине дня в сопровождении шести ратников отправилась в охотничий дом. В отсутствие Вилла никому даже в голову не пришло задержать ее. Когда она добралась до охотничьего дома, то увидела на лужайке Воина и приказала ратникам возвращаться обратно. Расседлав Колчана, она пошла к двери, где ее встретил огромный пес, лежавший у порога. Подняв лобастую голову, он слегка заворчал, но, узнав хозяйку, встал, повилял хвостом и отошел в сторону, позволив Марианне открыть дверь.

Она вошла и сразу увидела Робина. Он сидел за столом в трапезной и читал книгу. Услышав скрип двери, Робин поднял голову и встретился глазами с Марианной. Она молча застыла посреди залы под его тяжелым взглядом, в котором не было ни малейшего отблеска радости от ее внезапного появления.

– Вилл передал тебе мой приказ оставаться в Веардруне до моего возвращения? – осведомился Робин и, когда Марианна молча склонила голову, задумчиво произнес: – И почему я решил, что терпение и послушание входят в число твоих добродетелей?

Отложив книгу, он поднялся, бросил взгляд в окно и, никого не увидев, вскинул бровь.

– Ты что, проделала сюда путь из Веардруна в одиночестве?

– Нет, я брала охрану, но отпустила ратников обратно, – ответила Марианна, по-прежнему стоя посреди залы: он так и не предложил ей сесть.

– Жаль, – вздохнул Робин и обернулся к ней. – Жаль, что теперь я не могу отправить тебя в Веардрун немедленно. Как ты посмела послушаться меня?

Не дождавшись от Марианны ответа, Робин холодно улыбнулся:

– Вилл не однажды упрекал меня, что я разбаловал тебя, предоставив слишком много свободы. Я отмахивался от его укоров, считал, что тебе нельзя подрезать крылья. Но, кажется, он оказался прав. Я недвусмысленно выразил свою волю – и ты поспешила нарушить ее, приехав сюда. Зачем, Марианна? Показать, как ничтожно мало ты считаешься со мной? Вообще не считаешься?

Горячо жаждавшая примирения, Марианна меньше всего на свете хотела новой ссоры. Но Робин был прав: она, зная о его приказе, не задумываясь, при первой же возможности нарушила его. Не найдя слов для оправдания, она молча покачала головой.

– Нет? – Робин с едва уловимой иронией вскинул бровь. – Что ж, говори, зачем приехала.

Он бесстрастно смотрел на нее, ожидая ответа, и она не заметила на его лице никаких чувств. Одно лишь спокойное безразличие, которое испугало ее больше гнева.

– Я приехала, чтобы просить тебя вернуться! – сказала Марианна и, очень надеясь смягчить Робина, поспешно добавила: – Гвен скучает по тебе! Она беспрестанно спрашивает, куда ты уехал, не попрощавшись с ней, и когда вернешься.

Имя дочери произвело впечатление, но не такое сильное, как надеялась Марианна. Робин едва заметно дернул уголком рта, но выражение его лица не смягчилось. Он только спросил:

– Надеюсь, ты оправдала мой внезапный отъезд благовидным предлогом?

– Да, – ответила Марианна, – я сказала, что дела графства потребовали твоего немедленного отъезда.

– Я признателен тебе, – вежливо и спокойно улыбнулся Робин, оставаясь на ногах и по-прежнему не предлагая Марианне сесть.

– Но она очень ждет твоего возвращения! – с едва заметной настойчивостью сказала Марианна.

– Передай ей, что я вернусь через несколько дней, – ответил Робин.

– Значит, ты не вернешься вместе со мной? – тихо спросила она, не сводя с него потемневших глаз.

– Нет. Завтра приедет Вилл, и ты отправишься в Веардрун вместе с ним. А я еще побуду здесь.

– Почему?

Его глаза сузились, и взгляд стал жестким:

– Потому что я так хочу! И раз уж ты приехала, давай объяснимся сейчас.

В его ледяных глазах полыхнул гневный огонь. Робин наконец указал Марианне на стул и сам сел за стол напротив нее.

– Хочу, чтобы ты понимала: мое возвращение в Веардрун ничего не изменит, – сказал он, не спуская с нее прежнего жесткого взгляда, и после долгого молчания тихо, но твердо добавил: – Наш брак завершен, Марианна.

Она молчала, не сводя с него глаз, не веря тому, что услышала. Ей даже показалось, что он вот-вот улыбнется и его слова окажутся шуткой. Но губы Робина оставались крепко сжатыми, взгляд – холодным и неумолимым.

– Ты хочешь развестись со мной? – с трудом проговорила Марианна онемевшими, непослушными губами.

Услышав ее вопрос, Робин невесело рассмеялся.

– Нет, подавать прошение о разводе я не намерен. Не хочу потешать двор короля Иоанна, да и нет причин, которые церковь признала бы серьезными для расторжения нашего брака. Видимая сторона останется прежней. Но теперь нам каждый день придется изображать почтительных друг к другу супругов. Надеюсь, что ты справишься. Хотя бы ради нашей дочери.

Марианна едва перевела дыхание и потерла пальцами занывшие виски.

– Но почему? – выдохнула она, все еще не в силах поверить, что он действительно принял такое решение.

Он долго смотрел на нее, и она уже понадеялась, что он передумает. Но когда он заговорил, она услышала совершенно не то, что хотела услышать.

– Ты пригрозила мне изменой, – отделяя одно слово от другого, произнес Робин. – Если в этом мире я и был в чем-то уверен, так прежде всего в тебе. Но ты мне отказала в этой уверенности.

– Вспомни, что сначала то же самое сделал ты, – горячо возразила Марианна. – Да, мне не следовало отвечать тебе тем же.

– Но ты ответила, а я ударил тебя, чем лишился уважения к самому себе, – Робин поднял на Марианну спокойные холодные глаза и сказал: – Теперь я сам настаиваю на отдельных спальнях. А может быть, и на разных резиденциях. Ты вольна выбрать любой из моих замков и обустроить его по своему вкусу.

– Робин! – прошептала Марианна, не сводя с него полных горечи глаз. – Робин, ты сейчас несправедлив!

– Возможно, – устало ответил он, – и даже наверняка несправедлив! Но я ничего не могу поделать: твои слова и моя пощечина что-то разрушили во мне. Я не знаю, люблю ли я тебя еще, но больше не хочу быть рядом с тобой, как с супругой.

Ей показалось, что окружавший ее мир внезапно рассыпался в прах, и она оказалась в полной темноте, среди бескрайних руин, густо засыпанных пеплом. И, прежде чем сама успела подумать, услышала как со стороны свой голос, полный отчаяния:

– Робин! Я не смогу, я просто не умею жить без тебя!!!

– Придется научиться, – пожал плечами Робин и, посмотрев на Марианну почти с сочувствием, тихо сказал: – Если я сейчас пожалею тебя и возьму свои слова обратно, то перестану относиться с уважением и к тебе.

Теперь долго молчала она, глядя мимо него пустыми, ничего не выражавшими глазами.

– Нет, – наконец услышал он ее ровный голос, – мне не нужна твоя жалость.

Она вдруг почувствовала, что устала до изнеможения, и захотела только одного: лечь в постель.

– Где я могу устроиться на ночь? – спросила она.

– Располагайся в спальне, – ответил Робин. – Я переночую наверху, в комнате для гостей. Если ты голодна...

– Нет, – сказала Марианна, не дав ему договорить, поднялась и ушла в спальню.

Там она сняла плащ, разулась и прямо в платье легла на кровать. Глядя невидящими глазами в потолок, она терпеливо ждала, когда к ней придет милосердный сон. Но сна не было – вместо него в ушах звучал холодный голос Робина, и по мере того как она вспоминала каждое из сказанных им слов, боль накатывала на нее волна за волной, делаясь все острее и невыносимее. Память невольно листала годы их совместной жизни – день за днем и ночь за ночью. И, вспоминая, она понимала, что еще и в малости не осознала своей потери – утраты его любви. Глубокой, беспредельной любви, которая являлась для нее целым миром и надежной защитой от остального, чуждого мира, где ей придется существовать одной, без него.

Но ведь он сказал, что не знает, любит ли ее еще! Значит, надежда оставалась – или хотя бы тень надежды... Марианна тихо простонала: надо было послушаться его приказа и дожидаться Робина! Может быть, именно ее внезапный приезд не дал ему до конца разобраться в себе, остыть его гневу и привел к высказанному им жестокому решению.

Робин тоже не спал. Поднявшись на второй этаж в гостевую спальню, он сидел за столом. Перед ним лежала раскрытая на случайной странице книга, но он не читал ее. Поставив локти на стол и уткнувшись лбом в сомкнутые пальцы, он, как и Марианна, перелистывал книгу

памяти, и каждое воспоминание усугубляло боль. Он знал, что Марианна в эту минуту тоже не спит, но не хотел идти к ней.

Устав от собственных мыслей, Робин раздраженно начертил пальцами знак в воздухе. Его лоб овеяло легкое дуновение, и больше ничего. Он немного подождал и, не услышав никакого отклика, спросил:

– Почему вы молчите? Я же знаю, что вы пришли!

В ответ раздался легкий смешок, а вслед за ним мелодичный голос:

– Молчу потому, что поражена, как ты меня позвал. Твоя сила позволяет тебе такой зов, но ты из вежливости мог бы просто произнести мое имя. Что за наглость, Ранд?

Робин вздохнул и виновато склонил голову:

– Простите меня, леди Ри! Я не хотел оскорбить вас!

– Знаю, – ответил тот же смешок.

Он поднял голову и посмотрел в сторону голоса, где замерцало сияние и, сгущаясь, приняло очертания женщины, похожей на Марианну как отражение в зеркале, если бы не черный цвет густых и гладких волос.

– Зачем ты позвал меня? – спросила леди Рианнон, с усмешкой глядя на Робина. – Ты ведь уже принял решение, огласил его и сам признал, что оно несправедливо. Так чего же ты хочешь услышать от меня?

Робин молча пожал плечами: ему было нечего ответить. Только извиниться перед леди Рианнон за то, что напрасно ее потревожил, что он и сделал. Она могла уйти, но осталась, не спуская с Робина глаз, в которых таились знание, печаль и любовь.

– Ранд, твой отец и я – мы пошли против воли леди Маред, связав тебя с Моруэнн. Возможно, мы сделали ошибку, которая заключалась в том, что мы просто хотели для вас счастья как для обычных людей. Но вы оба исполняли свой долг так, как и следовало его исполнять. Вы стали не просто мужем и женой, вы заключили союз Девы и Воина, в котором нам с твоим отцом было отказано. Но сейчас ошибку совершаешь ты. Почему ты, пусть и оказавшись не у дел, стал относиться к Моруэнн как к простой женщине? Она по-прежнему твоя Дева, связанная с тобой неразрывно. Если события примут иной оборот, ее сила понадобится тебе точно так же, как все эти годы твоя сила была нужна ей. Предоставь Моруэнн идти своим путем, перестань вести ее за руку так, как считаешь нужным для нее. Отказавшись от Моруэнн, ты ничего не изменишь, только ослабишь ее и себя.

– Я всего лишь пытался оберегать ее, – тихо сказал Робин.

– От нее самой? – усмехнулась леди Рианнон. – Именно об этом я тебе и говорю! Ты забыл, что Дева оберегает Воина, а не наоборот?

– Я не забыл.

– В самом деле? Тогда скажи мне, чем отличаются обязанности Воина и Девы по отношению друг к другу?

Глубоко вздохнув, Робин, словно повторяя заученный в детстве урок, ровным голосом произнес:

– Дева оберегает Воина силой своей любви, являя собой сад радости и покоя души Воина, служа источником, из которого Воин черпает силы, чтобы остаться верным пути. Воин защищает жизнь своей Девы с оружием или без него от любого враждебного посягательства.

– Все правильно, – одобрила леди Рианнон. – Память тебя не подводит, но почему ты вдруг начал вести себя вопреки тому, что только что сказал? Как Моруэнн сможет исполнить свой долг, если ты закрыл от нее часть души? Собираешься сказать, что ради ее же блага? Не утруждай себя, Ранд! Никогда и никому неведение не приносило добра. Твое дело – защищать Моруэнн от враждебных посягательств и ни от чего другого!

– Я помню, – ответил Робин, – но мне это не всегда хорошо удавалось, и вы знаете об этом.

– Не тебе судить, хорошо или нет, – отрезала леди Рианнон. – Если бы не ты, она давно бы погибла. Ты помнишь, кто на нее охотился, и знаешь, чем бы для нее это закончилось – неизбежное пленение и смерть через очень недолгое время. Он до сих пор не оставил мысли о ней, и ты после того, что я тебе только что открыла, всерьез намереваешься лишить Моруэнн своей защиты?

– Нет, – помолчав, сказал Робин.

– Хорошо, – удовлетворилась его ответом леди Рианнон. – Тогда забудь о гордости, Ранд. Твое решение было продиктовано гневом, а не сердцем и разумом. Ты лишь причинил боль и себе, и Моруэнн.

Робин провел ладонями по лицу, словно омывал его водой, и посмотрел на леди Рианнон:

– Вы навестите ее, леди Ри?

Леди Рианнон отрицательно покачала головой:

– Нет. Ведь она не звала меня. Моруэнн – сильная духом, и она пытается сама справиться с болью. Зачем мне мешать ей? Но будь внимателен, Ранд! Ты поставил ее в такие условия, что она, собравшись с силами, тоже может принять неправильное решение. А исправить ее ошибку будет труднее, чем твою. Моруэнн горда не меньше тебя, но она еще и упрямее, чем ты.

Робин склонил голову в знак согласия – и словно теплая ладонь коснулась его лба, а потом – едва ощутимое, как дуновение ветра, прикосновение губ.

– Мне пора, Ранд. Передай Моруэнн мое благословение и прими от меня благословение, которое послал тебе отец.

– Подождите прощаться, леди Ри! – удержал гостью Робин и, секунду помедлив, негромко спросил: – Ваша мать и мой дед – граф Уильям – были правы?

Долгое молчание, очень внимательный взгляд леди Рианнон, легкая и грустная усмешка, тронувшая ее губы.

– Догадался? И теперь хочешь спросить, есть ли смысл в том, что ты делал и делаешь, если они не ошиблись?

– Да, – твердо ответил Робин.

Леди Рианнон едва заметно пожала плечами:

– Я не знаю, Ранд, были ли они правы, и никто не знает. Твой отец недаром оставил без ответа вопрос, который ты ему задал много лет назад. Суть в том, что для тебя это ничего не изменит – ты все равно станешь поступать так, как велит тебе долг. Как поступал и Альрик. Возможно, тебе однажды откроется истина, возможно нет. Твое будущее закрыто для меня. Ведь я – Хранительница не твоего, а предшествовавшего тебе поколения.

Голос леди Рианнон растаял в воздухе, и Робин понял, что она ушла. Он бросил взгляд в окно и увидел занимавшуюся на небе полоску зари. Наступивший день был воскресным, и Робин накануне отпустил слуг на первую половину дня ради мессы. Но когда он спустился вниз, на столе его ждал приготовленный завтрак, а рядом с кубком – свиток пергамента. Не присаживаясь за стол, он развернул пергамент и прочитал:

«Мой лорд, Вы приняли решение, и мне, очевидно, остается только склониться перед Вашей волей, чтобы сохранить хотя бы Ваше уважение, раз я не смогла сберечь Вашу любовь. Обещаю Вам приложить все силы к тому, чтобы ради дочери и всех остальных в Веардруне сохранить видимость того, что мы с Вами ладим, как прежде. Но если эта обязанность все-таки окажется для меня непосильной, то я хотела бы воспользоваться Вашим предложением покинуть Веардрун и поселиться в любом из Ваших замков по Вашему выбору. Прошу Вас также позволить мне оставить при себе Гвендолен до тех пор, пока ей не исполнится десять лет. По достижении ею означенного возраста я всецело доверяю Вам ее дальнейшее воспитание. Осознание того, что Вы отдадите ей всю Вашу отцовскую любовь и заботу,

позволяет мне просить у Вас разрешения для меня самой удалиться в монастырь, где я проведу остаток своих дней в молитвах за Вас и нашу дочь. Это мое настоятельное желание, и я прошу Вас отнестись к нему с пониманием и снисхождением».

Не притронувшись к завтраку, Робин прошел в спальню. Марианна спала глубоким сном, уснув совсем недавно, раз собрала ему завтрак. Заметив рядом с постелью пустой кубок, Робин поднял его, поднес к лицу и почувствовал едва осязаемый запах сонного настоя. Впервые на его памяти она по своей воле прибегла к этому средству – обычно справлялась сама.

Робин долго смотрел на ее бледное лицо с темными полукружиями под глазами. Разбудить ее было так просто! Достаточно провести ладонью по щеке или прикоснуться губами к виску. Но, согласившись с леди Рианнон, он все равно не нашел в себе сил сделать ни то ни другое. Словно какая-то сила гнала его прочь от Марианны. Возможно, он должен был воспротивиться этой силе, но не захотел, поддался ей. Поэтому он прикрыл Марианну краем покрывала – она так и лежала поверх него, не сняв платья, – и вышел, бесшумно закрыв за собой дверь. Достав перо и чернила, он написал несколько слов ниже последних строк, начертанных ее рукой. Оставив пергамент на видном месте, Робин взял колчан, вышел из дома и свистом подозвал к себе и вороного, и волкодава.

Она выпила сонный отвар, но его действие прекратилось, когда вороной копытами простучал под окнами дома. Марианна с тяжелой головой поднялась с постели, вышла в трапезную и сразу увидела, что завтрак, приготовленный ею, остался нетронутым. Напрасно она старалась смягчить Робина этим маленьким знаком внимания! Но письмо он прочел, судя по тому, что пергамент лежал не там, где она его оставила. Заметив возле пергамента перо и чернильницу, Марианна подошла к столу, развернула пергамент и увидела две строки, написанные решительным, твердым почерком Робина. «Моя леди, не уезжай, не дождавшись меня. Я вернусь, и мы все обсудим с тобой», – прочитала она, и в ее сердце затеплилась надежда, что все еще поправимо, все не так страшно, как ей представлялось ночью.

Чтобы чем-то себя занять до возвращения Робина, Марианна принялась за дела по дому, зная, что слуги вернуться нескоро. В сущности, ей не было особой нужды делать какую-либо домашнюю работу – в доме царили чистота и порядок, но она не могла ждать решения своей судьбы в пассивной бездеятельности. Умывшись и заплетя волосы в простую косу, она переоделась в скромное платье из светлого льна, не украшенное ничем, даже вышивкой. Убрав со стола, она отыскала в спальне рубашки Робина и отправилась к ручью, который протекал неподалеку от дома.

Закончив со стиркой, она развесила рубашки сушиться и присела рядом на траву, глядя ладонью влажную тонкую ткань подола, намокшего от брызг. Занимавшийся день обещал быть солнечным и теплым, на небе не было даже тени облачка. Лес вокруг шелестел ветвями, на которых только начали проклевываться первые листья, еще свернутые и наполовину не вылуцившиеся из почек. Веселая птичья перекличка напомнила Марианне Шервуд. Как они были счастливы тогда, несмотря на опасность, которая подстерегала их на каждом шагу! Марианна подумала, что больше всего на свете ей хотелось бы прожить жизнь с Робинсом и Гвендолен в лесной глуши, хотя бы в этом охотничьем доме – небольшом, но уютном и любовно убранном. Она глубоко вздохнула и невесело рассмеялась над этим желанием: Робин через несколько дней начал бы метаться по дому, как дикий зверь по клетке, изнемогая от бездеятельности, сочтя подобную тихую и размеренную жизнь прозябанием!

Вернувшись мыслями в прошлое, она вспоминала, как ждала его возвращения из Лондона, куда он уехал всего через несколько дней после триумфального въезда в Веардрун. Он надеялся вернуться через месяц. Но король удерживал и удерживал его при дворе, а потом приказал сопровождать его в поездке на континент, где Ричарду не терпелось поквитаться с королем Филиппом. Марианна тосковала: они впервые разлучились так надолго. Но хлопоты

по обустройству Веардруна, изрядно разграбленного за годы отсутствия законного хозяина, управление обширными владениями Рочестеров, суды – все это легло на ее плечи и отвлекало от печали. Под опекой короны хозяйства в землях, принадлежавших Рочестерам, пришли в упадок, и Марианне пришлось приложить немало сил к их восстановлению.

Вилл уехал вместе с братом, и Марианне помогали Эдрик и Тиль, которая неожиданно проявила недюжинные способности в самых разных делах. Клэрэнс была полностью поглощена приближавшимся материнством, и Марианна не беспокоила ее, радуясь, что подруга потихоньку начала оживать. А вскоре и сама Марианна поняла, что они с Робинотом не обманулись в прощальном благословении Шервуда. Постоянные утренние недомогания, тошнота и головокружения явственно указывали на беременность. В отличие от первой, эта с самого начала протекала нелегко, и Эллен то и дело приходилось звать на помощь Эдрика, чтобы тот силой убеждения и упреков в пренебрежении собственным здоровьем, долгом перед графом и домом Рочестеров заставлял Марианну как можно больше оставаться в постели.

Как и просил ее Робин, она упоминала в письмах к нему о своем состоянии, умалчивая, что переносит его довольно тяжело, понимая, что в случае тревожных известий он немедленно вернется в Веардрун, пренебрежет волей короля и неминуемо навлечет на себя гнев Ричарда. Поэтому она просто терпеливо ждала его, подробно описывая в своих посланиях жизнь Веардруна и состояние дел в графстве. В его ответных письмах она находила такое же подробное описание дел, которые поручал ему Ричард, чувствуя сердцем сквозившее в его твердом стремительном почерке нетерпение вернуться домой, к ней, хотя об этом он не написал ни слова.

Робин все-таки вызвал неудовольствие Ричарда, наотрез отказавшись принять участие в новом крестовом походе, который замыслил неугомонный король-рыцарь. Он вернулся в Англию через полгода, назначенный Ричардом заместителем Средних земель, полноправным, хотя и негласным правителем которых он был столько лет. Марианна вспомнила, как встречала его во дворе Веардруна, не в силах поверить, что он сейчас наконец-то появится, обнимет ее, окажется рядом. Случись так, что ратники, несшие караул на стенах замка, ошиблись, не разглядели герб на штандарте, приняли кого-то другого за графа Хантингтона, разочарование убило бы ее на месте.

Поэтому она, неподвижно застыв и не веря своим глазам, наблюдала, как в огромной арке ворот Веардруна вырос его силуэт – как всегда, верхом на вороном Воине, не расстававшемся с хозяином за время странствий. Вот Робин осадил жеребца, спрыгнул с седла, и только тогда Марианна поверила в то, что он вернулся. Не сдержав улыбки и слез, забыв о чинности, положенной в присутствии вассалов и слуг, она бросилась в объятия, которые он распахнул ей, и замерла от счастья, когда его губы прильнули к ее лбу. Ее сердце сбилось с ритма, услышав биение сердца в его груди. Она вдохнула его такой родной запах и услышала ласковый шепот, когда он положил ладонь на ее сильно располневший стан:

– Какая ты стала! Только по твоему животу и вижу, как много прошло времени с нашего расставания!

Что изменилось со дня его возвращения? Несколько лет в Веардруне пролетели так же быстро, как один год в Шервуде. Спокойные и счастливые годы! Она быстро свыклась с обязанностями теперь уже не только графини Хантингтон, но и супруги королевского заместителя края, в который входили восемь графств. Новые обязанности не были ей в тягость, она справлялась с ними легко, чем вызывала неподдельное восхищение Робина, который охотно принимал ее помощь в делах, а что-то, например опеку над многочисленными сыновьями и дочерьми знатных семейств, отправленными ко двору заместителя на воспитание, почти целиком поручил ей. Помимо дел, у них оставалось время для дальних поездок. Они не однажды побывали во владениях Робина в Аквитании и Нормандии, посетили Уэльс, погостив у принца Ллевелина. Еще была Шотландия, в которой глава клана Гордонов оказался побратимом Робина, а

шотландский король – родственником, о чем Марианна не знала. Он никогда не переставал удивлять ее!

Перемены еще не наступили, но в воздухе повеяло предчувствием грозы, когда после смерти Ричарда на английский престол взошел его брат Джон – король Иоанн. Новый король не жаловал само имя Рочестеров, а графу Хантингтону он не забыл ни лет, проведенных Робинотом вне закона, ни выкупа для Ричарда, собранного с помощью лорда Шервуда. Конечно, Иоанн был достаточно благоразумен и изрядно хитер, чтобы открыто проявить немилость к графу Хантингтону, в родстве с которым состояла едва ли не половина знатных английских семей, а еще и часть французских. Он выказывал Робину всяческую приязнь и неизменно хвалил его за состояние дел в Средних землях. Робин отвечал королю почтительностью и неуклонно следовал принесенной Иоанну вассальной присяге.

Но никто из них не обманывался насчет истинного отношения друг к другу. Несколько месяцев назад, призванный королем в очередной раз, Робин вернулся в Беардрун, освобожденный Иоанном от должности наместника Средних земель. Граф Лестер в письме Марианне сообщил, что Робин сам отказался от этой почетной должности, облакавшей его почти абсолютной властью в Средних землях. На все вопросы Марианны Робин отшутился и только однажды сказал, что он был вынужден отказаться в обмен на милость, проявленную к нему Иоанном. Но в чем заключалась милость короля, Робин не пояснил, и Марианна до сих пор пребывала в неведении.

Не с тех ли пор их отношения начали меняться? Он по-прежнему оставался преданным и любящим супругом, но она почувствовала, как часть его души закрылась от нее, в чем и упрекнула Робина во время ссоры. Она понимала, что он молчит, оберегая ее от каких-то ведомых ему – но не ей – тревог. Но ее ранило и возмутило его молчание. Он не имел права замалчивать от нее свои тревоги, ведь ее долг – оберегать его самого. А как она могла исполнять свой долг, пребывая в неведении? Один раз она попыталась проникнуть в его душу оком Девы, но тут же наткнулась на непреодолимую защиту, которую он мгновенно возвел, едва почувствовав скольжение ее взгляда. И всего ее умения не хватило на то, чтобы преодолеть эту непроницаемость глухой стены, которой он закрыл свою душу от нее.

– Никогда больше не делай так без моего разрешения! – сказал он ей с холодными, гневными нотками в голосе. – Все, что я сочту возможным открыть тебе, я открою сам.

Она пыталась возражать, но он не стал слушать ее возражения. Она отступилась, но не смирилась. А он не желал признать себя неправым. И вот последней каплей, переполнившей чашу ее терпения, оказались те самые меры, которые он – непревзойденный целитель – предпринял, чтобы уберечь ее от смерти. Смерти, которую предвидел он, но не она.

«Я вернусь, и мы все обсудим». Марианна глубоко вздохнула. Солнце уже поднялось высоко, а он все еще не вернулся. И почему она решила, что новый разговор с ним приведет к примирению? Может быть, он хотел обсудить, какой из замков предоставить в ее распоряжение и в какой монастырь она просит у него разрешения удалиться?

Поднявшись с травы, Марианна собрала высохшие рубашки, сложила их в стопку и хотела вернуться в дом, как вдруг из леса вышли незнакомые люди. Увидев их, она невольно остановилась, прижав рубашки к груди, и окинула незнакомцев настороженным взглядом. Они, в свою очередь, заметили Марианну и тоже замерли на месте, не сводя с нее глаз.

Их было шестеро. Давно забывшие о мытье и ножницах сальные волосы вздыбились над потемневшими от пыли лицами. Одежда тоже явно нуждалась в починке и стирке. На поясах двоих висели короткие мечи. Остальные были вооружены кто ножом, кто дубинкой. Один стоял, опираясь на длинную рогатину.

Мирная жизнь породила иллюзию защищенности, изгладив из памяти, каково это – столкнуться с опасностью лицом к лицу, а именно такая встреча сейчас и произошла. Не изме-

нившись в лице, сохранявшем властное выражение, хотя в глубине ее сердца шевельнулась растерянность, Марианна высоко подняла голову и громко спросила:

– Назовитесь и скажите, что вы делаете во владениях графа Хантингтона!

Услышав ее слова, они переглянулись и расхохотались так, словно она сказала нелепицу. Тот, кто держал рогатину, смерил Марианну взглядом с головы до ног и ответил:

– Малютка, нам нет дела до графа Хантингтона, как ему нет дела до нас. Мы идем по своим делам, а если путь завел нас в его земли, то это печаль твоего господина, а не наша. Собери-ка нам поесть и дай что-нибудь выпить да смотри поласковее, если хочешь расстаться с нами по-хорошему. А то устали с таким высокомерием, словно ты не служанка, а сама графиня!

У нее не было при себе никакого оружия. Никогда в Шервуде она не переступила бы порог трапезной, не взяв с собой пару ножей. В лесу это было для Марианны так же естественно, как при непогоде накинуть плащ, притом что ни разу не случилось так, чтобы в лагере не было никого из стрелков и женщины остались бы одни, без защиты. А здесь она была совершенно одна, но ей и в голову не пришло взять оружие. Помедлив, Марианна кивнула и сделала шаг в сторону дома, надеясь, что, если она принесет им еду, они уберутся по доброй воле, а если нет, то она уже не будет безоружной и сумеет дать им отпор. Но стоило ей оказаться напротив вожака, как остальные сомкнулись вокруг нее, заключив Марианну в круг.

– Пропустите меня, – спокойно сказала она. – Я вынесу вам из дома съестное и эль.

– Вынесешь, – ухмыльнулся вожак, не спуская с нее глаз, – или мы сами возьмем. А пока ты поможешь нам утолить другой голод. Думаю, что твой господин не будет в обиде, если мы ублажим его хорошенькую прачку!

Он ухватил ее за запястье и с грубой силой притянул к себе. Выронив стопку белья, Марианна оказалась в тисках грубых сильных рук, и в ее рот впелись жадные губы. Она вырвалась и отскочила, с отвращением вытирая губы. Бродяги расхохотались.

– Ты лакомый кусочек, девочка, – воскликнул вожак, скользя по Марианне взглядом, в котором горела откровенная похоть, – а мы никуда не торопимся и можем остаться здесь даже на ночлег, чтобы не спеша развлечься с тобой!

Услышав за спиной скабрзные шутки, Марианна молча протянула руку к главарю шайки, и тот, довольно ослабившись, шагнул к ней, не ожидая подвоха от женщины. Оказавшись рядом с ним вплотную, Марианна выхватила у него из-за пояса нож и вонзила в ребра вожака по самую рукоять. В груди главаря раздалось хрипение, и он, расширив от предсмертного ужаса глаза, осел к ногам Марианны. Отскочив, она успела выдернуть нож и, крепко стиснув в ладони липкую от крови рукоять, обожгла глазами остальных.

– Вон отсюда! – рычанием прокатилось по ее горлу.

Четверо замерли на месте, не сводя с Марианны ошеломленного взгляда. Пятый бросился к распростертому на траве телу.

– Клянусь Святой Девой, эта дрянь убила Тэда! – воскликнул он и, поднимаясь с колен, со злостью пообещал Марианне: – Ты об этом пожалеешь!

Они впятером набросились на нее. Но для них явилось неожиданностью, что с ней было не так просто справиться. Сказалась выучка, полученная Марианной в Шервуде и не забытая в Веардруне. Будь у нее меч, она вообще расправилась бы с бродягами без особых усилий. Но, вооруженная только ножом, Марианна понимала, что ей долго не продержаться против пятерых крепких мужчин, которые превосходили ее силой и весом. Их круг сомкнулся, и еще один упал, налетев на лезвие ножа. Но двое обхватили Марианну медвежьей хваткой, а третий стал безжалостно выкручивать ей запястье, заставляя разжать пальцы и выпустить нож. Четвертый попытался задрать подол ее платья и тут же получил от Марианны удар ногами в живот. Но троих оставшихся хватило, чтобы повалить ее на траву. Она брыкалась и сопротивлялась с силой, которую ей придали ярость и отчаяние, и получила сильный пинок в живот, от которого

свернулась в клубок, хватая ртом воздух. Воспользовавшись ее минутной беспомощностью, Марианну перевернули на спину и заломили ей руки за голову. Извернувшись, она укусила одного из тех, кто держал ее руки.

– Ах ты, тварь! – прорычал укушенный и с силой ударил ее по голове.

Ее руки придавили, наступив на них коленом. Один из насильников стиснул ее шею так, что Марианна едва не задохнулась. Оказавшись обездвиженной, она с бессильной яростью скрипнула зубами. На нее навалилось тяжелое тело, раздался треск разрываемого платья. Грубым рывком ей развели ноги, и она из последних сил попыталась вырваться и сбросить с себя насильника.

Внезапно раздался громкий рык, и над Марианной в длинном прыжке пролетело большое мохнатое тело Артоса. Пес вцепился в горло одному из двух, кто удерживал руки Марианны. Собака и человек покатались, сплетаясь в один клубок, исходящий рыком и отчаянным воплем. Тут же исчезла тяжесть тела, придавившего Марианну к земле, и последним, что она увидела, было искаженное яростью лицо Робина, который, отшвырнув насильника, обрушил на него всю страшную мощь Элбиона.

Марианна пришла в себя, почувствовав, как сильная рука подхватила ее под плечи и приподняла с земли.

– Мэриан, с тобой все в порядке?! – услышала она изменившийся от волнения голос Робина и, с трудом разлепив веки, встретила его взгляд, полный тревоги.

Марианна попыталась успокоить его, улыбнувшись разбитыми губами, но это оказалось болезненно. Робин осторожно провел ладонью по ее лицу. В его темных глазах еще продолжало бушевать пламя ярости. Он принялся ощупывать ее избитое тело, и в его груди kloкотало тяжелое дыхание, когда он видел, как Марианна вздрагивает под его рукой, дотрагивавшейся до ушибленных мест. Бросив взгляд вокруг, Марианна увидела четыре распростертых тела и ужаснулась тому, с какой жестокостью они были изрублены. Трава была щедро залита кровью, и Элбион, лежавший возле колен Робина, тоже был в крови по самую рукоять. Артос, приветливо размахивая хвостом, облизал лицо Марианны, и она, слабо поморщившись, ладонью отвела в сторону его морду. Робин встал на ноги, увлекая за руку Марианну. У нее подогнулись колени, и она, чтобы не упасть, невольно схватилась за его рубашку. Робин поднял ее на руки и отнес к сараю, где хранилось сено.

Поставив Марианну на ноги возле дождевой бочки, он зачерпнул горсть воды и стал осторожно смывать кровь с ее лица. Этот жест Робина невольно перенес Марианну в далекую ночь, когда он увез ее в Шервуд из захваченного Лончемом Фледстана. Точно так же он, не говоря ни слова, тогда зачерпывал ладонью воду и мыл ее лицо. Ничего не изменилось, все повторяется.

Марианну забила крупная дрожь, и она упала бы, если бы не сильная рука Робина, немедленно сжавшая ее стан. Прекрасно понимая, что именно она сейчас вспомнила, Робин в душе проклинал насильников самым страшным проклятием, которое только знал. Он столько лет потратил на то, чтобы излечить ее душу, и вот усилиями нескольких негодяев все его старания могли обратиться в прах.

Робин осторожно вытер ее лицо рукавом своей рубашки и, бережно подхватив Марианну на руки, сделал шаг в сторону дома, но передумал. На лужайке между сараем и домом лежали шестеро убитых, по траве растеклись лужи крови, не успевшей впитаться в землю. Робин отнес Марианну в сарай и уложил на сено.

– Побудь здесь, пока я уберу тела.

Марианна с силой вцепилась в его руку, но, встретившись взглядом с Робиним, немедленно разжала пальцы. Робин свистнул Артосу и, приказав псу оставаться возле хозяйки, вышел наружу.

Отгаскивая прочь убитых и сбрасывая тела в овраг неподалеку, где их можно было потом забросать землей, Робин все время видел перед собой глаза Марианны, застывшие серебря-

ными зеркальцами, и с трудом подавлял звериное желание искромсать мертвых насильников на куски. Закончив малоприятную работу, Робин окунул голову в бочку и яростно помотал ею так, что брызги разлетелись в разные стороны. Когда он отмывал кровь с рук, возле него появился Артос и, жалобно поскуливая, дернул Робина за сапог.

– Ты почему ослушался?! – гневно спросил Робин.

Волкодав опустил голову, признавая вину, потом ухватил Робина за запястье и настойчиво потянул к двери сарая. Робин вошел внутрь и услышал отчаянные рыдания. Они-то и заставили верного Артоса броситься на поиски хозяина, после того как псу не удалось самому утешить хозяйку.

Марианна сидела там, где Робин оставил ее, сжавшись в комок и закрыв лицо ладонями. Услышав шуршание сена под его ногами, она тут же смолкла и замерла, пытаясь справиться с дрожью, сотрясавшей ее тело. Робин опустился рядом, взяв ее за плечи, заставил повернуться к нему и оторвал ладони Марианны от лица. Вид ее лица, искаженного гримасой страдания, прыгающие губы, плотно сомкнутые веки, из-под которых безостановочно струились слезы, ранил его в самое сердце.

– Мэри! – шепнул он, вытирая ладонью слезы с ее скул. – Они успели что-то сделать с тобой?

– Изнасиловать? Нет, не успели, – прямо ответила она на его вопрос, не открывая глаз. – Избили, но не так сильно, чтобы говорить об этом. Со мной все в порядке. Я не плачу.

– Я вижу! – тихо сказал Робин, безуспешно пытаясь вытереть ее слезы, которые катились и катились из-под сомкнутых дрожащих ресниц.

– Пожалуйста, оставь меня, – попросила Марианна, отворачивая лицо от его ладони. – Я справлюсь. Мне все равно надо учиться жить без тебя. Самое время начать.

И она снова разрыдалась – отчаянно и безутешно. Робин обнял ее и крепко прижал к груди, целуя Марианну в светловолосую макушку.

– Не плачь, милая! Пожалуйста, не плачь, – уговаривал он, укачивая ее в объятиях, но она рыдала и рыдала, уткнувшись лицом ему в грудь, – ведь все уже кончилось!

Услышав эти слова, она вскинула голову и ослепила его яростным сиянием серебристых глаз:

– Да, кончилось и началось – жизнь с тобой и жизнь без тебя. И в той и в другой жизни для меня остается неизменным только одно: я всего лишь игрушка в руках любого мужчины, который получает надо мной власть потому, что он сильнее меня. Простая грубая сила делает меня совершенно беззащитной перед любым унижением только потому, что я слабее. И ты, и Вилл – вы оба напрасно тратили на меня время. Вы можете быть опасными сами по себе, без оружия, а я, как оказалось, нет.

– Мэриан, то, что сегодня произошло, – слепой случай, а не закономерность, – сказал Робин. – Да, ты в силу природы слабее мужчины, но в этом нет унижения для тебя. У тебя есть я, и поскольку я сильнее, постольку я защищаю тебя.

– Защищал! – гневно поправила его Марианна. – Теперь же мне придется заботиться о себе самой. И слепой случай, о котором ты говоришь, был вовсе не случаем! Это именно закономерность, и она показала мне, насколько плохо получится у меня самой защищаться в этом не слишком-то добром мире.

– А ты намерена впредь обходиться без моей защиты? – спросил Робин, не сводя с Марианны внимательного взгляда.

Она рассмеялась ему в лицо и развела руками:

– Разве не ты сам сказал вчера, что наш брак завершен? И нам придется теперь делать вид ради всех, что мы по-прежнему любящие супруги, которые, поцеловав друг друга на ночь, расходятся по разным крылам замка? – Она яростно помотала головой. – У меня нет для этого

ни сил, ни желания! Я настаиваю на том, чтобы ты немедленно дал мне разрешение уехать в монастырь. В любую обитель, которую можешь сам для меня выбрать!

Робин молча слушал ее. Высказав ему все, что выплеснуло ее сердце, она закрыла лицо ладонями. Тогда он снова обнял ее и прижал к себе, пресекая все ее попытки высвободиться.

– Мэриан, какая обитель? – вздохнул он. – Никакой монастырь не справится с твоим нравом. Ты через день не оставишь от него камня на камне.

– Пусть это станет заботой настоятельницы монастыря, а не твоей, – непримиримо ответила Марианна, сжавшись в руках Робина в колючий комок. – Все, о чем я тебя прошу: отпусти меня!

Он долго смотрел на ее склоненную голову, которая выражала не покорность, а упрямство и гнев, и неожиданно спокойно сказал:

– Хорошо. Только будь добра, посмотри мне в лицо.

Она немедленно подняла голову и посмотрела на него с вызовом, не приняв который, Робин бережно провел ладонью по щеке Марианны и, глядя ей в глаза, произнес:

– Прости меня за вчерашнюю резкость, за боль, которую я тебе причинил, сказав немало жестоких слов. Ты по-прежнему настаиваешь на монастыре?

Против собственной воли Марианна утонула в темно-синем омуте его глаз, хотя чувствовала, что он предельно честен с ней и не пользуется силой, способной навязать ей свою волю.

– Означают ли твои слова, что ты все еще любишь меня? – спросила она резким, охрипшим голосом.

Он усмехнулся ласково и обреченно, отвечая ей:

– Да, Моруэнн. Я люблю тебя.

Желанный ответ, услышать который она уже почти не надеялась, лишил Марианну остатков самообладания. Уткнувшись лбом ему в плечо, она тихо заплакала, перестав противиться его объятиям.

– Не плачь, – попросил он, – пожалуйста, не плачь!

– Не уходи! – вырвалось в ответ из ее груди отчаянным стоном. – Не оставляй меня!

И Марианна сама судорожно обхватила руками его плечи, прижавшись к нему всем телом. Робин ласково гладил ее по вздрагивающей спине, шептал несвязные нежные слова, но она никак не могла успокоиться. Он оторвал от своего плеча ее голову и стал целовать залитое слезами лицо, разбитые губы.

– Не оставляй меня! – шептала она. – Я не могу без тебя! Просто не могу.

– Радость моя, сердце мое! – шептал он в ответ, целуя ее влажные соленые губы.

Ее пальцы порывисто гладили его по лицу, ворошили густые пряди темных волос, полные слез глаза не отрывались от его потемневших, бесконечно любимых ею глаз.

– Я никогда больше ни о чем тебя не спрошу! Не стану противиться твоей воле, всегда буду послушной тебе, только не оставляй меня!

Услышав ее обещание, Робин не смог сдержать улыбку:

– Мэри! Не обещай того, что не сможешь исполнить! Ведь я приказывал тебе оставаться в Веардруне, а что сделала ты?

Наконец ее слезы иссякли, всхлипывания затихли, и сама она замерла, словно птица, уставшая биться в силках. Робин осторожно перенес ее в дом. Увязавшийся за ним Артос глухо зарычал, когда на лужайке ему в ноздри ударил острый запах крови. Робин принес Марианну в спальню, уложил на постель и, сняв разорванное почти в клочья платье, принялся осматривать ее с тщательным вниманием. След от его пощечины почти сошел, зато шея была сплошь испятнана грубыми пальцами. Отведя в сторону прядь светлых волос, Робин обнаружил ссадину на голове Марианны. Его губы гневно искривились. Просто чудо, что она осталась жива! Он принес ларец с лекарствами и стал смешивать травяные настои. Артос, чувствуя сумрачное

настроение Робина, лег на пол и лишь постукивал по полу хвостом, когда хозяин проходил мимо него.

Робин протер ссадины и ушибы на теле Марианны и подал кубок, содержимое которого она покорно выпила, не задав ни единого вопроса. Марианна вытянулась на постели, он укрыл ее покрывалом и долго сидел рядом, поглаживая по волосам. Скоро по ее ровному дыханию он понял, что она уснула, но все равно остался возле нее и неподвижно сидел на краю постели, не сводя глаз с ее спокойного во сне лица.

Привыкнув за долгие годы к постоянной опасности, Робин и теперь, не имея к тому весомых доказательств, ощущал, что над ним начали сгущаться тучи. Может быть, немилость короля Иоанна ограничится вынужденным затворничеством, хотя и оно тяготило Робина. Но если король и другие враги графа Хантингтона не удовольствуются тем, что он просто отстранился от дел, ограничив круг забот собственными владениями? А ведь он отстранился не до конца! Король не назначил ему преемника в должности наместника Средних земель, и в Робине по-прежнему продолжали видеть олицетворение власти – как знатный, так и простой люд. Было бесполезно объяснять, что он больше не является наместником – все и так знали о решении короля, но почти никого это особенно не трогало. Не обращаться же к королю с напоминанием, что Иоанну необходимо, и как можно быстрее, назначить того, кто станет вместо Робина управлять Средними землями! Король явно не будет признателен ему за совет, а сочтет подобное письмо очередной дерзостью графа Хантингтона.

Все свои опасения Робин поверял Виллу, но утаивал от Марианны. Покидая Шервуд, он обещал ей мирную и спокойную жизнь в Веардруне. Но, кроме обещания ей, он дал слово и самому себе, что не позволит больше ни себе ни кому бы то ни было снова втянуть ее в жизнь, полную опасностей. И как же она запротестовала, едва поняв, что он потихоньку отстраняет ее – от многих – если не дел, то знаний о происходящем! А что он мог открыть ей? Что именно он и представляет главную угрозу ее спокойствию?

Но какие бы перемены ни произошли, как бы судьба ни сложилась в будущем, он всегда был свято уверен в одном: у него есть Марианна, и вся она – мыслями, чувствами, телом – принадлежит ему одному. Служение долгу, крепкая дружба с братом, любовь к дочери и неизбывная любовь к Марианне составляли стержень его мироздания. Именно вера в Марианну и лишила его сдержанности, когда она в пылу ссоры сначала отказала ему в своей любви, а потом в лицо пригрозила изменой. Взывая к рассудку, он мог тысячу раз напомнить себе, что Марианна и в мыслях не изменяла ему, но разум оказывался бессилем перед гневом, который охватывал Робина снова и снова, заставляя всплывать в памяти ее злой голос и беспощадные слова.

Да, она была права в том, что не первая пригрозила нарушением обета верности. Да, он не был справедлив. Но все эти доводы не могли одолеть его гнев. Никому и никогда он не отдавал себя так, как отдал ей, никого так не любил, как ее, никому не посвящал столько своей души. И что он получил взамен, всего лишь позаботившись о ее жизни? Пощечину, когда она все, что он ей давал, швырнула ему обратно, как если бы сказала, что не нуждается ни в его заботе, ни в любви, ни в нем самом. И он, оскорбившись до глубины души, сам ответил ей пощечиной, ударил ее и не мог простить этого ни себе ни ей.

Артос не выдержал молчания хозяина и, неслышно ступая мощными лапами, подошел к Робину и просунул ему под руку острую волчью морду. Робин погладил его, потрепал по ушам, и пес с довольным вздохом улегся возле его ног.

Для Артоса день сложился крайне неудачно. Гордившийся своим охотничьим искусством, пес то и дело поднимал оленей, делал стойки на мелкую живность. Но когда хозяин за все утро так и не сделал ни одного выстрела, волкодав обиделся. Понурившись, он побрел за Воином и только угрюмо огрызался, если вороной нечаянно задевал его хвостом по голове.

Робин не обращал внимания на недовольство верного пса. Он думал, как ему помириться с Марианной после вчерашнего разговора, которым он едва не сокрушил ее дух. Но не сокру-

шил, судя по письму, что она оставила для него рядом с завтраком. За ночь она все обдумала, выстроила дальнейшую жизнь его, себя и дочери на ближайшие годы и поставила точку в решении собственной судьбы. Как бы не оказалась права леди Рианнон в том, что переубедить Марианну будет гораздо труднее, чем справиться с собственным раздором в душе.

Робина отвлек от мыслей голос лесничего, который, узнав своего господина, предупредил, что накануне в лесу видели шестерых бродяг. У этих шестерых был не жалкий, а воинственный вид, и лесничий настоятельно посоветовал графу быть осторожнее и не ездить по лесу одному, без охраны. Робин выслушал его и тут же почувствовал глухую тревогу. Свистнув Артоса, он вскинул собаку в седло и погнал Воина галопом обратно к охотничьему дому. Артос уже на половине пути начал рычать и скалить зубы, почуяв чужой запах. Не дожидаясь, пока тропинка выведет из леса к лужайке перед домом, пес спрыгнул с Воина и опрометью бросился вперед.

Словно нарочно ему показали то, что с ней будет, если он удалит ее от себя. Одинокая жизнь взаперти, с которой она никогда не смирится. А если не смирится, то сразу окажется в опасности, с каким бы невиданным для женщины искусством ни владела оружием. В мире, устроенном мужчинами и для мужчин, она всегда будет нуждаться в защите, есть у нее в руках меч или нет. Именно об этом ему говорила ночью леди Рианнон, именно это он и увидел, будто шесть то ли бродяг, то ли бандитов были посланы только затем, чтобы разрешить его сомнения, едва он позволил себе роскошь уехать, не разбудив ее, оставив одну.

Она убила двоих, и четверем оставшимся сильно повезло, что они не успели ничего сделать с Марианной, что она осталась жива. Если бы он нашел ее убитой, эти четверо умирали бы долго и тяжело. Вспомнив белые пятна разбросанных рубашек, которые она, должно быть, стирала, Робин взял руку спящей Марианны и прижал ее ладонь к своей щеке. Поступившись гордостью, она сама приехала к нему, потом ждала, забыв о боли, которую он вчера заставил ее испытать сполна.

Когда Марианна проснулась, то не сразу поняла, где находится, и не сразу вспомнила, что произошло. Голова ныла тупой болью, по всему телу разлилась вязкая слабость. Она услышала совсем рядом тихие напряженные голоса и приоткрыла глаза.

В шаге от кровати стояли напротив друг друга Робин и Вилл. Не заметив дрожь длинных ресниц Марианны, Вилл окинул ее долгим взглядом и в упор посмотрел на Робина.

– Вчера она выглядела гораздо лучше! У вас опять состоялся горячий разговор? Или ты, сперва разбаловав ее, теперь решил наверстать упущенное и таким образом приводить ее к послушанию до тех пор, пока она не начнет целовать тебе сапоги?! – язвительно спросил он, и в глазах Вилла отразилось сильное негодование.

Робин небрежным движением брови отразил его взгляд и посоветовал:

– Ты бы лучше присматривал за ней в мое отсутствие, как я тебя о том просил! И не стой так, словно собрался драться со мной. Пойдем, я тебе покажу, какой сброд нынче болтается даже в моих владениях, из-за которого я едва не стал вдовцом! Вот что значит вялость Иоанна и отсутствие сильной власти!

Подхватив Вилла под локоть, Робин увлек брата к дверям. Оставшись одна, Марианна села на постели, и нанесенные днем ушибы тут же напомнили о себе. На столике рядом с кроватью стоял кубок, наполненный до половины темным отваром. Марианна выпила отвар и почувствовала себя много лучше.

Дверь открылась, вошли Робин и Вилл.

– Очнулась? – усмехнулся Вилл, встретив с порога взгляд Марианны. Он подошел к постели, присел рядом с Марианной и осторожно провел ладонью по ее шее. – А вот я бы тебя задушил насмерть, и за дело! Что ты за женщина?! И себе беду найдешь, и я еще получаю за тебя от брата! Кто тебе сказал, где найти Робина?

– Сама догадалась, – с трудом шевельнув губами, улыбнулась Марианна.

Вилл окинул ее насмешливым взглядом и кивнул:

– Ладно! Ты не проговоришься, а я, конечно, не понял, что без моего сына в этом деле не обошлось!

Робин склонился над Марианной, укутал ее в покрывало и вскинул на руки. В сопровождении Вилла он вышел из дома, где на лужайке толпился большой отряд конных ратников Веардруна, среди которых был и Дэнис в облачении с гербом Рочестеров.

– Дэн, отвези Марианну в Веардрун, только держи ее осторожнее. Ее светлости изрядно досталось сегодня! – сказал Робин, передавая Марианну сидевшему в седле Дэнису.

– А ты? – спросила Марианна, когда руки Дэниса крепко обхватили ее, удерживая на лошади перед юношей.

– А для меня нашлось одно дело, – усмехнулся Робин и, предупредив намерение Марианны, крепко сжал ее руку и тихо сказал: – Я расскажу тебе позже, когда вернусь. Сперва его надо начать и закончить, а до тех пор и говорить пока не о чем!

– Да, мой лорд, – ответила Марианна, всем видом выражая готовность исполнить волю Робина.

– Вот и славно! – ответил Робин и, поцеловав Марианне руку, вернулся вместе с Виллом в дом.

Ратники приехали в Веардрун далеко за полночь. Марианна, одурманенная травяными отварами, крепко спала, уронив голову на плечо Дэниса. Она сквозь сон слышала взволнованные голоса, по которым узнала Эдрика и Тиль. Дэнис принес ее в спальню, уложил на постель и был немедленно изгнан за порог Эдриком, когда тот обнаружил, что, кроме покрывала, на Марианне нет никакой одежды. Пришла Эллен, и на лоб Марианны лег прохладный компресс. Горевшую кожу лица остудили примочки, пахнувшие терпким травяным ароматом, к губам поднесли кубок. Марианна сделала несколько глотков под уговоры Тиль и снова провалилась в глубокий сон.

Глава третья

– А теперь пусть мне кто-нибудь наконец объяснит, что происходит!

Эллен требовательно посмотрела на Тиль, потом на Кэтрин. Обе женщины прилежно склонились над шитьем и упорно не поднимали голов.

– Тиль! – не дождавшись ответа, воскликнула Эллен.

Жена Вилла молча пожала плечами, по-прежнему не отрывая взгляда от шитья, словно для нее не было ничего важнее только что проложенного стежка.

– Кэт?

– Нелли, что ты пристала к нам?! – с несвойственным для нее раздражением отозвалась Кэтрин. – Ничего не происходит. Ничего! Закончилась вечерняя трапеза, Веардрун отошел ко сну, вон слышишь, как ратники перекликаются на стенах? Случись что, представь, какой бы они подняли крик! Так о чем ты допытываешься, когда все тихо и спокойно?

– Тихо и спокойно, – повторила Эллен и вдруг язвительно осведомилась: – А где же ваши мужья, мои безмятежные белошвейки?

Кэтрин возвела глаза к потолку в знак того, что ее утомил допрос, учиненный Эллен, и вновь углубилась в работу.

– Они в отъезде, – сказала Тиль.

Уяснив, что ни одна ни вторая не намерены удовлетворять ее любопытство, Эллен неодобрительно поджала губы. Налив себе в кубок горячего вина с пряностями, она устроилась в широком кресле возле камина, где потрескивали в пламени дрова.

– Неделю назад Робин среди ночи покидает Веардрун. Через три дня Марианна тоже уезжает из Веардруна и возвращается днем позже в объятиях Дэниса, сплошь в синяках и еле живая, – медленно размышляла вслух Эллен, смакуя сладкое горячее вино. – Робина тем не менее в Веардруне не видели до сих пор. Следом за Марианной уезжает Вилл, потом, немного погодя, Джон вместе с Аланом и Эдгаром, и до сих пор никто не вернулся, – помолчав несколько минут, Эллен вдруг усмехнулась: – Ой, как мне все это напоминает добрые времена вольного Шервуда! На месте Марианны я бы уже щипала корпию для перевязки!

В маленькую уютную комнату стремительно вошел Эдрик и, окинув взглядом всех трех женщин, грозно посмотрел на дочь:

– Тиль, где твой муж?!

Тиль неопределенно пожала плечами.

– Очень хорошо! – негодуяще воскликнул Эдрик. – Вместо того чтобы охранять Веардрун в отсутствие графа, твой супруг где-то пропадает, забыв о своих обязанностях!

– Отец! – и в обычно мягком голосе Тиль прозвучала непреклонность. – Сэр Уильям – мой супруг. И хотя я глубоко люблю вас и безмерно почитаю, но прошу не отзываться о моем муже в таком неподобающем тоне!

– Прекрасно, матушка! – воскликнул Дэнис, появившийся из-за спины Эдрика, и, склонившись над рукой Тиль, одобрительно сверкнул янтарными глазами: – Отец сейчас гордился бы тобой, услышав твой ответ!

Тиль рассмеялась и шутливо дернула его за упавшую на лоб прядь темных волос.

– Собой бы он гордился! – буркнул Эдрик. – И тем, что так запугал мою дочь, что она и слова против него не скажет!

Заметив протестующий жест Тиль, Эдрик небрежно махнул рукой в сторону дочери:

– А! Молчи, кошка! Сколько тебя помню, ты все время смотрела в рот своему бесценному лорду Уильяму! В Веардрун заявился Ричард Ли, которого пришлось встречать мне, потому что графа нет, а лорд Уильям, как всегда, пренебрег своим долгом.

– Что понадобилось шерифу Ноттингемшира в Веардруне? Это ведь не те земли, в которых он исполняет обязанности шерифа! – спросила Кэтрин, затаив дыхание и не сводя с Эдрика мгновенно насторожившихся глаз.

– Бог весть! – недовольным тоном ответил Эдрик. – Говорит, что должен срочно повидать графа. Приехал в сопровождении такого отряда ратников, словно собирается взять под стражу половину Веардруна. Тиль, ступай к госпоже и доложи ей о приезде шерифа Ноттингемского. Я проводил его в главную залу Веардруна.

Тиль нашла Марианну в спальне дочери. Поцеловав сонную девочку и пожелав Гвендолен сладких снов, Марианна спустилась в главную залу, гадая о том, связан ли неожиданный приезд Ричарда Ли с затянувшимся отсутствием Робина и, если связан, то каким образом. Ответов на эти вопросы у нее не было, и Марианна на всякий случай собрала, призвав к себе всю осторожность и сдержанность.

– Ваша светлость! Великодушно простите меня за то, что я доставил вам беспокойство! – воскликнул сэр Ричард, склоняясь над рукой Марианны.

– Чем Веардрун обязан удовольствием принимать вас в гостях, а я – видеть вас? – с любезной улыбкой спросила Марианна и сделала знак слугам, чтобы те подали гостю легкий ужин.

Она подвела сэра Ричарда к небольшому столу, который был придвинут к камину, где горел огонь: в зале было ощутимо прохладно. Подождав, пока Марианна сядет в кресло, сэр Ричард устроился напротив.

– Миледи, я желал бы побеседовать с его светлостью, о чем уже сообщил сэру Эдрику. Но я получил от него не слишком вразумительный ответ. Сэр Эдрик сказал мне, что будто бы графа Роберта нет в Веардруне уже неделю и никто не знает, где он и когда вернется.

Марианна с глубоким вздохом опустила глаза и аккуратно расправила складки платья так, что сэру Ричарду стало ясно: она не знает, как ответить, и потому тянет время.

– Что ж, это истинная правда, – наконец сказала Марианна и, предупреждая следующий вопрос сэра Ричарда, добавила: – Мне так же, как и остальным, неизвестно, где сейчас находится граф Роберт и когда следует ожидать его возвращения.

Услышав ее ответ, сэр Ричард забыл о кубке, который было поднес к губам, и с откровенным недоверием посмотрел на Марианну.

– Как же так, миледи? – растерянно спросил он. – Чтобы и вы не знали, где ваш супруг?

– А что вас удивляет? – осведомилась Марианна, поднимая на сэра Ричарда бесстрастные глаза и слегка пожимая плечами. – Его светлость сам себе господин. Он никому не обязан отчитываться в своих поступках и намерениях.

– И вам в том числе? – удивление сэра Ричарда продолжало расти.

– Чем я отличаюсь от прочих?

Сэр Ричард понял, что окончательно перестал что-либо понимать. Он посмотрел на Марианну более внимательно и заметил тени усталости, пролегшие под ее глазами, которые утратили былой блеск, словно Марианне приходилось часто проводить ночи без сна или подолгу плакать. Лицо, черты которого до сих пор бережно хранились в сердце сэра Ричарда, показалось ему утомленным и хмурым. Взгляд скользнул ниже, и сэр Ричард едва не лишился дара речи: высокий ворот платья не сумел полностью целиком скрыть проступавшие у подбородка синяки.

– Миледи, правильно ли я понял, что вы не знаете, где ваш супруг? – осторожно спросил сэр Ричард, не сводя глаз с Марианны.

Она едва заметно усмехнулась и склонила голову в подтверждение его слов. Откровенно невеселая усмешка Марианны отозвалась в самом сердце сэра Ричарда и, словно молния, прорезала разум вспышкой внезапного озарения.

– Леди Марианна! Неужели... Неужели те чувства, что связывали вас и графа Роберта, изменились?!

Марианна гордо вскинула голову, и гостя обжег гневный блеск ее серебристых глаз.

– Сэр Ричард, разве я когда-нибудь избирала вас поверенным моих сердечных дел?! – звенящей струной прозвучал ее голос.

– Ради всего святого, простите меня! – пробормотал сэр Ричард, окончательно впав в смущение.

Пока он поглощал предложенный ему ужин, они сидели друг напротив друга в полном молчании. Марианна надеялась, что гость все же откроет ей причину внезапной необходимости увидеть Робина, но тот упорно молчал, хотя и чувствовал на себе ее вопрошительный взгляд.

– Ну что же, милорд! – с усталым вздохом сказала Марианна, когда сэр Ричард с видимым удовлетворением отодвинул от себя блюдо и допил вино, остававшееся в кубке. – Раз вам так надо увидеться с графом Робертом, что вы собираетесь непременно ждать его возвращения, я перепоручу вас заботам слуг.

Она приказала отвести гостю покои для ночлега и, простившись с ним, ушла. Оказавшись в спальне, Марианна позвала Аделу и велела ей немедленно сообщить о возвращении Робина, как только тот появится в Веардруне. Оставшись одна, она переделалась в ночную сорочку, набросила поверх длинную, отороченную мехом накидку, но не легла в постель, а принялась в волнении расхаживать по спальне.

Сэр Ричард не пожелал назвать ей причину своего визита, а главное – явного интереса к тому, где граф Хантингтон изволил провести дни, которые отсутствовал в Веардруне. Поскольку Марианне было известно, где Робин был первые четыре дня из семи, значит, приезд сэра Ричарда был связан с последними тремя днями. «Для меня нашлось дело», – так сказал ей Робин при расставании. Значит, именно это дело и привело шерифа Ноттингемшира в Веардрун в поисках Робина. Хотела бы она знать, в чем оно заключалось! Но чем бы ни был занят Робин, сэру Ричарду ни к чему знать об охотничьем домике. Обмолвись Марианна о недавней встрече с Робинем, и где эта встреча произошла, не бросился бы туда сэр Ричард, не дожидаясь утра? Робина едва ли возможно застать врасплох, но кто, как не она – его Дева – должна оберечь его даже от малейшей случайности, таящей угрозу?

Адела принесла поднос с кубком, в котором был отвар из мяты, ромашки и цветков липы, – Марианна всегда пила его перед сном. Жестом отпустив служанку, Марианна села в кресло возле камина и, не разбирая вкуса напитка, пила отвар, в задумчивости глядя на пламя.

Почувствовав упорное нежелание сэра Ричарда объяснить цель визита в Веардрун, она насторожилась и стала вести себя как жена, которая находилась в не слишком большой милости у супруга, к тому же полностью отстраненная от его дел. Ее поведение изрядно озадачило сэра Ричарда – явная растерянность гостя не укрылась от Марианны – и притупило бдительность. Когда она спускалась к нему в главную залу, сэр Ричард озирался по сторонам, словно пес, потерявший след и отчаянно пытавшийся взять его вновь. Прощаясь же с Марианной, он ломал голову только над тем, что могло произойти в жизни супружеской четы Рочестеров.

Заметив, что кубок опустел, Марианна поставила его на столик и грустно усмехнулась. В сущности, ей не надо было слишком притворяться, чтобы войти в образ если не отвергнутой, то уже не любимой супруги. В первый день возвращения в Веардрун она пребывала в блаженной уверенности, что они с Робинем помирились. Потом эта уверенность стала таять: прошел день, еще один, а Робин так и не вернулся. Да, он простился с ней как обычно. Она помнила все сказанные им слова и его нежность, когда он держал ее в объятиях на сеновале. Но его нежность... Действительно ли она свидетельствовала о мирном разрешении роковой размолвки? Или только о желании Робина прекратить слезы Марианны, вызванные нападением на нее? После перенесенных испытаний у нее все путалось в голове, и Марианна в тот день

могла просто принять желаемое за действительное. Ведь они так ничего и не обсудили, ни о чем окончательно не договорились.

Отвар разлился по телу обволакивающим теплом, и Марианну, несмотря на волнение, стало клонить в сон. Она легла на кровать, укуталась в покрывало и устало закрыла глаза. Робин мог вернуться завтра. А мог – через несколько дней. Если она до его возвращения уподобится натянутой струне, то ее надолго не хватит.

Надеясь на скорое возвращение Робина, Марианна так сильно настроила себя на долгое и терпеливое ожидание, что, когда на рассвете Адела разбудила ее, шепнув, что граф только что прибыл в Веардрун, она не сразу поняла служанку. Аделе пришлось повторить свои слова, и тогда Марианна вскочила с постели, быстро умылась, оделась и, стряхнув остатки сна, бросилась в главную залу. Робин не мог миновать ее по пути к своим покоям или к их спальне.

Она едва успела сбежать по лестнице, когда двери в залу распахнулись. Робин вошел в сопровождении Вилла. Марианне сразу бросилась в глаза бледность его лица и медлительность обычно стремительной поступи. Он даже оперся плечом о плечо Вилла, который, встревожившись, заглянул в лицо брата и о чем-то тихо спросил Робина. Тот отрицательно покачал головой и улыбнулся слабой тенью обычной улыбки.

Они еще не заметили Марианну, и она хотела окликнуть их, когда услышала за спиной звук приближающихся шагов. Оглянувшись, Марианна увидела сэра Ричарда. Тот, очевидно, тоже едва успел подняться с постели, разбуженный сообщением о приезде графа Хантингтона.

Шаги сэра Ричарда услышал и Вилл, тут же сжав руку Робина предупреждающим жестом и одновременно обозначив поклон в сторону и Марианны, и сэра Ричарда.

– Миледи! Сэр Ричард!

Марианне опять показалось, что Вилл не просто по-дружески обнял брата, а с заметным усилием удерживает Робина на ногах. Робин тоже соизволил посмотреть в сторону жены и гостя, но Марианна ничего не смогла прочесть в его глазах, которые невозмутимо отразили ее вопросительный и беспокойный взгляд.

– Супруга моя! – поприветствовал Робин Марианну с подчеркнутой учтивостью.

– Лорд мой! – в тон ему отозвалась Марианна, пытаясь понять, что означает необычный вид Робина и беспокойство Вилла, которое не заметил сэр Ричард, но явное для нее, знавшей Вилла не один год. – С вами пожелал встретиться шериф Ноттингемшира.

– Я вижу, – ответил Робин, едва заметным наклоном головы приветствуя гостя. – Чем я обязан вашему визиту, сэр Ричард? И в качестве кого вы посетили Веардрун? Именно так, как вас только что назвала леди Марианна? Шериф Ноттингемшира?

Сэр Ричард тем временем был занят тем, что пытался доискаться причины сдержанной встречи графской четы. И поскольку он промолчал, за него ответила Марианна:

– Сэр Ричард действительно хочет знать, где вы провели те дни, что отсутствовали в Веардруне, мой лорд.

– Очевидно, речь идет о тех дня, что прошли после того, как мы с вами расстались? – уточнил Робин.

Марианна с трудом подавила возглас досады, поймав удивленный взгляд сэра Ричарда. Пристально глядя на Марианну, сэр Ричард пришел к выводу, что хоть она и отговорила себя незнанием, где муж провел все это время, но, очевидно, что-то знала и умолчала, опечаленная собственным знанием. По-прежнему влюбленный в нее он страстно желал удовлетворить еще больше вспыхнувшее любопытство, но не знал, как это сделать, не преступив границ тактичности.

– Ваша светлость, вам лучше сесть, – сказал Вилл, указав Робину глазами на кресло.

– Твоя правда, – устало согласился Робин, опустил в кресло, жестом предложил всем остальным тоже сесть и обратил выжидательный взгляд на сэра Ричарда.

– Позапрошлой ночью на ратников Гая Гисборна было совершено нападение, – медленно проговорил сэра Ричард, чувствуя себя не слишком уютно под скрестившимися на нем взглядами. – На территории вверенного мне Ноттингемшира. И сэра Гай обвиняет в этом нападении вас, граф Роберт.

Когда Марианна услышала то, что сказал сэра Ричард, ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы лицо не выдало охватившего ее волнения. Она посмотрела на Робина, но тот не ответил на ее взгляд: он пристально смотрел на сэра Ричарда. Тогда она украдкой перевела взгляд на Вилла, но не сумела ничего прочесть в его золотистых, абсолютно невозмутимых глазах.

– И вы уже в Веардруне, – сказал Робин, по-прежнему очень пристально глядя на шерифа Ноттингемшира, – хотя дорога из Ноттингема до Веардруна занимает полтора дня пути, если очень торопиться.

– Я и торопился! – ответил сэра Ричард.

– Когда сэра Гай подал жалобу? – задал неожиданный вопрос Робин.

– Той же ночью, когда случилось нападение на его людей, – ответил сэра Ричард. – Он был в таком возмущении, что буквально поднял меня с постели!

– Понятно, – едва заметно усмехнулся Робин, – значит, той же ночью.

– Какое это имеет значение?! – чуть не вспыхнул сэра Ричард. – Лучше окажите милость и ответьте, есть ли в его утверждении, что нападение было совершено по вашему приказу, хотя бы капля истины?

Робин помолчал, обдумывая ответ, и сэру Ричарду показалось, что граф Хантингтон сейчас рассмеется ему в лицо и укажет на явную абсурдность предъявленного обвинения. В сущности, он этого ждал, и его устроил бы такой ответ. Более того, такого ответа ждали и Вилл с Марианной. Но глаза Робина прищурились так, что все поняли: если у графа Хантингтона и было намерение отказаться от обвинения, то он передумал.

Они не ошиблись. Откинув голову на высокую спинку кресла, Робин спокойно сказал:

– Его обвинения бездоказательны, сэра Ричард, но полностью соответствуют истине.

Марианна обменялась взглядом с Виллом и поняла, что для того слова брата явились полной неожиданностью. А сэра Ричард был попросту поражен ответом Робина.

– Вы признаете справедливость обвинений сэра Гая?

Робин молча склонил голову в знак согласия.

– Но зачем?! По словам Гисборна, его люди не нарушали ваших владений! И они выполняли приказ сэра Гая, который он был вправе отдать им!

– Именно затем, чтобы им не удалось выполнить приказ сэра Гая, – бесстрастным тоном ответил Робин.

Наступила тишина. Вилл сквозь ресницы наблюдал за сэром Ричардом, готовясь предупредить любое его движение, если увидит в нем угрозу для Робина. Марианна, сохраняя невозмутимый вид, пыталась понять, зачем Робину понадобилось нападать на ратников Гая Гисборна. За годы, что прошли после возвращения Робина из Шервуда, ни он ни Гай не напоминали друг другу о прежней вражде, связанные обещанием королю Ричарду.

– Но зачем?! – повторил свой вопрос сэра Ричард и, сообразив, что выглядит глупо, рассердился: – Если вам было не по сердцу то, что делает Гай Гисборн, если вы усмотрели в его поступках нарушение какого-либо закона, почему просто не принесли на него жалобу?

Не отвечая на вопросы сэра Ричарда, Робин сказал:

– Я готов уплатить любой штраф, чтобы возместить обиду, которую причинил своими действиями сэру Гаю.

Сэра Ричард озадаченно хмыкнул. В сущности, согласие графа Хантингтона возместить Гаю Гисборну ущерб, причиненный потерей нескольких ратников, исчерпывало дело. Но сэра Ричард вовремя вспомнил главное требование жалобщика и отрицательно покачал головой.

– Штраф – само собой, ваша светлость. Но сэр Гай также настаивает на том, чтобы ему выдали пленника, которого везли в его замок ратники сэра Гая.

Марианна, слушая разговор, удивленно изогнула бровь. Кто же был пленником Гая и что ему грозило, если Робин счел нужным вмешаться, и таким решительным образом?

Сэр Ричард ждал ответа Робина, который, казалось, уснул в кресле: он сидел, по-прежнему откинув голову на спинку, закрыв глаза и положив руки вдоль подлокотников.

– Нет! – вдруг сказал он самым непреклонным тоном, не открывая глаз. – В этой части жалоба останется неудовлетворенной.

– Такой ответ невозможен! – воскликнул сэр Ричард. – Я не могу приехать с ним в Ноттингем, где меня ждет сэр Гай!

– Иного ответа не будет.

– Ваш ответ дойдет до короля посредством сэра Гая, – с тайным нажимом в голосе предупредил сэр Ричард, осведомленный о том, что граф Хантингтон не особенно ладит с королем Иоанном.

На Робина намек сэра Ричарда не произвел никакого впечатления.

– Это право сэра Гая, но я не думаю, что он им воспользуется, – ответил он, открыв глаза, в упор посмотрел на сэра Ричарда и сказал, подчеркивая каждое слово: – Пленника я не выдам.

Сэр Ричард огорченно всплеснул руками, не зная, как побороть упорство графа Хантингтона.

– Ваша светлость, – сказал он самым убедительным тоном, на который только был способен, – Сэр Гай обмолвился, что его пленник был когда-то в числе шервудских стрелков. Может быть, поэтому он и указал так решительно на вас как на лицо, совершившее нападение на его ратников. Но подумайте сами, стоит ли один из многих, кто был с вами в Шервуде, гнева короля, который может обрушиться на вас, если Иоанн все-таки получит жалобу Гая Гисборна?

– Сэр Ричард! – Робин повернулся в кресле и указал в сторону Марианны: – Леди Марианна тоже одна из тех, кто был со мной в Шервуде. Вдумайтесь в эти слова и попробуйте снова задать мне вопрос, стоит ли мое спокойное существование жизни и свободы любого из бывших шервудских стрелков.

– Вы не могли найти менее удачный пример! Леди Марианна все-таки ваша жена! – возмутился сэр Ричард, искоса посмотрев на Марианну.

Он был уверен, что подобное сравнение задело ее за живое. Если бы так! К его великому огорчению Марианна смотрела на мужа с таким нескрываемым восхищением, словно видела перед собой живое божество.

– Граф Роберт, если вы считаете, что сэр Гай обошелся с вашим другом несправедливо, отчего бы вам не воспользоваться законным путем и выступить в защиту вашего бывшего стрелка, не прибегая к...

– К разбою, – помог ему Робин, когда сэр Ричард замялся, пытаясь найти слово, которое не оскорбило бы собеседника.

Но если уж сам граф Хантингтон счел возможным назвать свой поступок таким словом, то зачем продолжать стесняться сэру Ричарду?

– Вот именно! – буркнул он, пряча глаза от насмешливого взгляда Робина, который, казалось, читал все мысли гостя. – Король Иоанн сразу отметит – к выгоде Гая Гисборна, – что тот действовал в полном соответствии с законами.

– А что бы сэр Гай мог сделать? – усмехнулся молчавший до сих пор Вилл. – Попытаться вернуть пленника, взяв штурмом Веардрун? У него не хватило бы смелости!

– Сэр Уильям! – с досадой воскликнул сэр Ричард. – У меня складывается впечатление, что и его светлость, и вы не только не раскаиваетесь в нападении на ратников Гая Гисборна, но даже гордитесь собой!

– Мы всегда гордимся собой, – усмехнулся Робин, – что же до раскаяния – нет. Я не раскаиваюсь в том, что совершил. У меня не было другого выхода. Пока я подал бы вам ходатайство в защиту моего бывшего стрелка, пока бы вы разбирались с ним, сэр Гай расправился бы с моим другом. Так что я просто не располагал временем дать делу законный ход.

– Но вот я здесь, перед вами! – возразил сэр Ричард, с трудом собрав остатки терпения и все еще надеясь уговорить графа Хантингтона окончить дело полюбовно. – Я готов принять от вас ходатайство и назначить день суда над вашим стрелком. Отдайте мне пленника!

– И что вы с ним сделаете? – немедленно поинтересовался Робин. – Выдадите Гисборну?

– Гисборн в своем праве, – хмуро заметил сэр Ричард, понимая, что такой ответ окончательно убедит графа Хантингтона стоять на своем, – но я возьму с сэра Гая слово в том, что пленник останется цел и невредим, пока не закончится судебное разбирательство, – добавил он с тенью надежды.

Робин в ответ рассмеялся и снова закрыл глаза. «Почему он так бледен?!» – с тревогой подумала Марианна, не отрывая глаз от лица Робина, стремительно терявшего краски.

– Я не верю слову Гая Гисборна, – тихо сказал Робин так, что у сэра Ричарда рухнули всякие надежды.

– Что же мне передать сэру Гаю? – угрюмо спросил он. – Неужели нашу с вами беседу?

– Слово в слово, если вам угодно, – отозвался Робин, заметно теряя интерес к разговору, едва он понял, что добился цели.

– Вы хоть понимаете, что ставите меня перед Гисборном в самое глупое положение?! – с отчаянием спросил сэр Ричард.

Робин с сочувствием посмотрел на него и с искренним сожалением ответил:

– Что поделаешь, сэр Ричард! Иногда обстоятельства бывают сильнее нас.

– Обстоятельства! – задохнулся от возмущения сэр Ричард. – Ваша прихоть и мое расположение к вам – вот эти обстоятельства!

– Я хочу спасти жизнь своему другу, – тихо сказал Робин. – Это вы называете прихотью? Не думайте, что мне приятно отказывать вам, зная, что вы питаете ко мне добрые чувства. Я мог бы ввести вас в заблуждение, сказав, что пленник умер. Он, кстати, жестоко избит, и я действительно не уверен, что он выживет. И вы бы покинули Веардрун, будучи удовлетворенным полученным от меня ответом и согласием уплатить сэру Гаю штраф. Но я не хочу упасть в ваших глазах, сэр Ричард, облегчив свое положение и вашу задачу ложью.

– Я благодарен вам за доверие, – с едва скрываемой иронией ответил сэр Ричард, в душе очень сожалея о том, что граф Хантингтон и вправду не пожелал прибегнуть к спасительной для всех лжи.

– Назначьте разбирательство жалобы. Я сам приму в нем участие, – предложил Робин, пристально глядя на сэра Ричарда.

– Какой в этом смысл, если вы только что подтвердили обоснованность его обвинений? – хмуро поинтересовался сэр Ричард.

– Увидите, – пообещал Робин, – я заставлю Гая признать, что он сам спровоцировал меня на то, в чем теперь обвиняет.

Заметив, что сэр Ричард упрямо закусил ус и нахмурился, Робин настойчиво повторил:

– Назначьте разбирательство! С моей стороны было бы несправедливо оставлять вас с Гаем Гисборном один на один.

– Как-нибудь справлюсь! – хмыкнул сэр Ричард, задетый предположением, что Гисборн хоть в чем-то сильнее его – шерифа Ноттингемшира, но Робин покачал головой.

– Не справитесь, сэр Ричард, и не усматривайте в моих словах обиду для себя. Не отказывайтесь от моей помощи в деле с ним!

– Желаете помочь мне – отдайте пленника, – упрямо сказал сэр Ричард и, когда Робин снова иронично усмехнулся, спросил: – А если я откажусь покинуть Веардрун без него?

– Вы можете быть моим гостем сколь вам угодно! – улыбнулся Робин и, тяжело оттолкнувшись ладонями от подлокотников, поднялся на ноги.

– Я могу применить силу! – пригрозил сэру Ричарду. – Что тогда? Вы и мне окажете сопротивление? Ведь вы больше не являетесь наместником Средних земель и я более не подвластен вам!

Глаза Робина на миг сверкнули холодным блеском. Вилл усмехнулся и самым выразительным жестом положил ладонь на эфес убранного в ножны меча. Робин сделал в сторону Вилла успокаивающий жест и, устремив на сэра Ричарда не улыбочивый взгляд, сказал:

– Тогда и я напомню вам, что Веардрун и земли вокруг него находятся далеко за пределами вверенного вам Ноттингемшира. А еще, хотя мне очень не хочется прибегать к подобному доводу, я буду вынужден напомнить вам, что вы мой должник. Помогая вам расплатиться с епископом Гесбертом, я ни на минуту не усомнился в том, что ваши требования справедливы. В отличие от вас сегодня, сэру Ричарду!

Гость понял, что его загнали в угол. Испытывая унижение от напоминания Робина и, не в малой степени, от того, что Робин сделал его в присутствии Марианны, сэру Ричарду с горечью посмотрел на ту, что до сих пор имела власть над его сердцем.

– Леди Марианна, помните, как в Шервуде, убеждая принять помощь от вашего супруга, вы уверяли меня, что граф Хантингтон не потребует взамен ничего, что нарушило бы законы чести? Я поверил вам!

– И я не обманула вас! – ответила Марианна, гордо вскинув голову.

Она подошла к Робину и, глядя ему в глаза, убежденно сказала:

– Граф не назвал бы своим другом бесчестного человека и не стал бы выручать из беды того, кто пострадал заслуженно, преступив ту или иную заповедь. Я не знаю, кого ратники Веардруна отбили у ратников Гая Гисборна, но если мой лорд счел нужным поступить именно так, я уверена в том, что этот человек стоит того.

В глазах Робина мелькнула теплая улыбка. Он взял руку Марианны в свою и молча поцеловал ее ладонь.

Сэру Ричарду с горечью подумал: «Почему я решил, что у них разлад? Они по-прежнему влюблены друг в друга, как в первый день! Неужели я втайне от самого себя надеялся, что, отвернувшись от мужа, леди Марианна наконец обратит благосклонный взор на меня? Глупец! Трижды глупец! Но что означают следы грубых пальцев, словно кто-то в порыве гнева схватил ее за шею? Но кто посмел бы так обходиться с ней, кроме ее супруга? Или это ратник так оттолкнул ее, защищаясь в пылу вооруженного столкновения? Неужели и Марианна приняла участие в нападении на ратников Гисборна, вспомнив свои былые подвиги в Шервуде? Нет, она явно пребывала в неведении о том, где находился и чем занимался ее супруг. Но, судя по словам графа Хантингтона, она знала хотя бы о некоторых днях, которые он провел вне своей резиденции. А зная о нескольких днях, почему бы не умолчать и об остальных? Да можно ли вообще верить ее словам?»

– Миледи, распорядитесь, чтобы столы в трапезной накрывали к завтраку, – будничным тоном сказал Робин, давая тем самым сэру Ричарду понять, что он больше не намерен возвращаться к разговору о жалобе Гая Гисборна и считает этот разговор исчерпанным. – И я, и те, кто сопровождал меня и только что прибыл в Веардрун, голодны. Да и сэру Ричарду и его людям не мешает подкрепиться.

– Да, мой лорд! – ответила Марианна, сделав перед Робинем глубокий реверанс, и покинула главную залу, спеша исполнить приказ.

Робин проводил ее взглядом и обернулся к сэру Ричарду.

– А теперь я оставляю вас, милорд, – сказал он. – Хочу умыться с дороги. Увидимся за завтраком. Подумайте пока над моим предложением.

Когда он медленным шагом, тяжело опираясь о перила, поднялся по лестнице и покинул залу, сэра Ричард порывисто обернулся к Виллу, надеясь, что старший Рочестер хотя бы в чем-то сообразовит удовлетворить его любопытство.

– Сэр Уильям, неужели и графиня Марианна принимала участие в вашем деле?

Вилл в ответ удивленно вскинул бровь.

– Что вы, сэр Ричард! Ее светлость уже несколько лет не берет в руки оружия, кроме как на охоте и ратных тренировках!

– О! – протянул сэр Ричард, озадаченный полученным ответом. – Так она по-прежнему совершенствуется в воинском искусстве?

– И выстоит против любого из ваших ратников, – рассмеялся Вилл, поглядывая наверх, в сторону дверей, за которыми скрылся Робин, с беспокойством, которое уже заметил и сэр Ричард.

– Но вид леди Марианны! – растерянно произнес сэр Ричард, неосознанно проводя ладонью вдоль шеи до подбородка. – Если она пострадала не от ратников Гисборна, неужели это граф Роберт поднял на нее руку?

Взгляд Вилла тут же оторвался от дверей и устремился на сэра Ричарда, выразив при этом откровенное возмущение.

– Милорд, отчего бы мне вдруг посвящать вас в дела, которые касаются только моего брата и сюзерена и его супруги? – спросил он самым вкрадчивым голосом и, не дождавшись ответа от смутившегося сэра Ричарда, поднялся с кресла. – Позвольте дать вам совет – сделайте так, как сказал граф Хантингтон. Ничего не объясняйте сэру Гаю при возвращении, просто назначьте разбирательство жалобы.

– Благодарю вас, сэр Уильям, но в делах вверенного мне графства я привык действовать, руководствуясь собственными соображениями, – сердито ответил сэр Ричард.

Вилл лишь пожал плечами и, простившись с гостем коротким наклоном головы, немедленно последовал тем же путем, которым удалился Робин. Придя в покои брата, Вилл обнаружил Робина лежащим на низкой кушетке. Услышав скрип открываемой двери, Робин приоткрыл глаза, посмотрел на Вилла и устало закрыл лицо ладонью.

– Надо сказать Эдрику, что пора смазывать двери.

– Непременно скажи! – желчно усмехнулся Вилл, присаживаясь на кушетку рядом с Робинем. – А еще скажи мне, почему ты решил поморочить головы ратникам Гая, а сэру Ричарду выложил все как есть?

– Ты ничего не понял? – и Робин внимательно посмотрел на брата. – Каким образом Гаю удалось так быстро узнать о случившемся? Еще прими во внимание, что путь от его замка до Ноттингема не длинный, но все-таки занимает некоторое время. Не мог же он мгновенно перенестись по воздуху, стоило нам едва опустить мечи!

– Вот оно что! – протянул Вилл, задумчиво сощурился глаза. – Значит, вся история с Диконем была им продумана?

– От самого начала до конца! – уверенно заявил Робин.

Вилл недолго подумал, тихонько насвистывая, но был вынужден признать, что не сумел проникнуть в суть замысла Гая Гисборна.

– Зачем Гаю понадобился именно Дикон?

– Дикон ему совершенно не нужен, – ответил Робин. – Он хотел узнать, что стану делать я, получив весть о том, что одному из моих друзей и бывших стрелков Шервуда грозит смерть.

– Узнать, остался ли ты прежним или спокойная жизнь изменила тебя? – усмехнулся Вилл и вздохнул. – Как же глубоко ты запал ему в душу, что он за столько лет не остыл и не выкинул тебя из головы! Но вот он узнал – и что дальше?

– Если сэръ Ричард все-таки прислушается к моим словам и назначит разбирательство жалобы, то я прижму Гая к стене и ему придется признать надуманность своей жалобы и удовольствоваться штрафом за убитых ратников.

– Что-то я не заметил на лице сэра Ричарда готовности прислушаться к тебе! – с иронией отозвался Вилл.

– Потому что вместо того чтобы понять все преимущества моего предложения и принять его, он был занят исключительно тем, что то и дело бросал пламенные взгляды в сторону Марианны, – в сердцах сказал Робин.

– Заметил? – улыбнулся Вилл.

– Надо было ослепнуть, чтобы не заметить, – хмыкнул Робин. – Пусть сам решает, как ему быть.

Сэръ Ричард недолго пребывал в одиночестве: вскоре вернулась Марианна.

– Полагаю, миледи, что я получил от графа Роберта исчерпывающие сведения, – сказал сэръ Ричард, поднимаясь с кресла, едва она вошла в залу.

Марианна устало кивнула.

– Через полчаса в трапезной накроют к завтраку, – начала говорить она, но сэръ Ричард прервал ее:

– Нет-нет! Путь до Ноттингема неблизкий, и я, с вашего позволения, хочу проститься с вами сейчас и покинуть Веардрун. С вашей стороны было бы очень любезно снабдить нас припасами в дорогу и передать графу Роберту мои извинения за отъезд без надлежащих слов прощания.

– Как вам будет угодно, милорд, – ответила Марианна, не настаивая на приглашении к завтраку в Веардруне.

– Миледи, – нерешительно начал сэръ Ричард и, когда она вопросительно подняла на него глаза, сказал: – Вы уверяете меня в том, что я должен верить графу, что он руководствовался только тем, что ему диктовало чувство справедливости. Но могу ли я верить вам? Мне не так-то просто положиться на ваше слово после того, как вы отговорились незнанием, где всю неделю пробыл ваш муж. Из его же собственных слов я понял, что вы все-таки знали о месте его пребывания, по крайней мере, в течение нескольких дней!

– Это так важно для вас? – вздохнув, спросила Марианна, не оправдав опасений сэра Ричарда, который ожидал, что она рассердится на то, что он уличил ее в обмане.

– Да, – ответил он со всей решимостью. – Я возвращаюсь в Ноттингем, где именно мне, а не графу Роберту придется оповещать Гисборна о результатах рассмотрения его жалобы. Я хочу быть уверен, что граф если и нарушил закон, то все же не поступился честью.

– Справедливо! – усмехнулась Марианна. – Раз уж я ручаюсь за графа Роберта, то мое ручательство не может не смущать вас, коль скоро вы уличили меня если не в прямой лжи, то в умолчании.

Она посмотрела сэру Ричарду прямо в глаза и призналась со всей откровенностью:

– Граф Роберт провел четыре дня в охотничьем доме. Первые три дня не в моем обществе, а когда я приехала туда, он не был обрадован моему приезду. Это все, что я могу сказать вам, сэръ Ричард. Об остальном я узнала одновременно с вами.

– О! – только и нашел что промолвить сэръ Ричард, пораженный ее признанием.

Его внезапно осенила догадка: не ее общество – значит, общество другой женщины. Сэръ Ричард, не сводя глаз с Марианны, покачал головой.

– Понимаю, – пробормотал он. – Понимаю теперь и то, что меня повергло в изумление, едва я увидел вас!

Он с нежностью дотронулся до подбородка Марианны. Она тут же перехватила его руку и решительно отвела от своего лица. В ее глазах замерцала сталь.

– Милорд, вы забылись! Я супруга графа Хантингтона и таковой останусь до конца своих дней! – отчеканила она, с холодным гневом глядя на сэра Ричарда.

– Да, миледи, – вздохнул сэр Ричард, прекрасно разгадав ее намек, и печально склонил голову. – Мне очень жаль, леди Марианна!

– И напрасно! – к его удивлению ответила Марианна. – То, о чем вы подумали, дело вовсе не рук графа Роберта!

Сэр Ричард усомнился в правдивости ее слов. Он слишком ясно представил, как Марианна застала супруга в объятиях любовницы. Конечно, граф не был доволен внезапным появлением жены и повел себя так, как любой другой на его месте, даже сам сэр Ричард. Вот только он, в отличие от графа Хантингтона, и в мыслях не изменял бы жене, будь ею Марианна!

У сэра Ричарда невольно сжалось сердце. Он так живо вспомнил вечер, который ему довелось провести в Шервуде, да еще попав гостем на праздник! Граф и его жена в тот день не сводили друг с друга влюбленных глаз. Марианна была так обворожительна, с таким жаром говорила лорду Шервуда, как она счастлива быть его женой. Да, она по-прежнему лояльна к супругу. Разве может вести себя иначе добродетельная жена? Но историей любви лорда Шервуда и прекрасной Саксонки грезил все Средние земли! И что стало с этой волшебной сказкой? Значит, даже самые сильные чувства угасают со временем, пусть Марианна и утверждала обратное, произнося здравицу в честь лорда Шервуда.

Так и не найдя уместных слов для сочувствия и утешения, сэр Ричард молча склонился над ее рукой.

– Леди Марианна, как бы ни сложилась жизнь, помните: в моих глазах вы всегда остаетесь самой достойной из женщин! – тихо сказал он и, еще раз поклонившись Марианне, вышел из залы.

Едва двери за ним закрылись, Марианна вихрем помчалась в покои Робина, успев по дороге отдать слугам приказ снабдить отряд сэра Ричарда съестными припасами.

– Что с ним?! – спросила она прямо с порога, впившись взглядом в бесстрастное лицо Вилла, потом перевела взгляд на бледное лицо Робина, который лежал, закрыв глаза.

– Ранен и потерял немало крови, – буркнул Вилл и, когда Марианна села на кушетку рядом с Робинем, предупредил: – Возле левой ключицы.

Марианна быстро разрешила куртку и рубашку Робина, осторожно отлепила от тела пропитавшуюся кровью повязку, осмотрела рану, нанесенную клинком, и невольно поморщилась. Рана, несмотря на видимую легкость, оказалась очень скверной, и заживление не обещало быть легким и скорым.

– Объясните наконец, что произошло! – потребовала Марианна, промывая рану и накладывая на нее пропитанный лечебным бальзамом компресс.

Вилл, насвистывая сквозь зубы, развел огонь в камине.

– Вечером того дня, когда ты сбежала в охотничий дом, пользуясь моей отлучкой, до Веардруна добралась жена Дикона, которая рассказала Джону, что ее мужа схватили ратники Гая, выполняя приказ своего господина, и везут его в замок Гисборна.

– Что сделал Дикон?

– Дал приют одному из вилланов Гисборна, сбежавшему от гнева сэра Гая, – ответил появившийся в дверях Джон. – Псы Гисборна – я говорю о ратниках – шли по следу беглеца и так добрались до дома Дикона. Того парня они просто убили, а Дика забрали с собой, чтобы сэр Гай сам определил тяжесть его проступка. Ты ведь понимаешь, что в отношении приговора Гисборна бывшему стрелку вольного Шервуда сомневаться не стоит? Пришлось выручать беднягу.

– Это и есть то самое дело, которое нашлось для Робина? – поняла Марианна. – И как вы его разрешили?

Вилл передернул плечами и нехотя ответил:

– Подстерегли их в засаде и отбили Дика. Позже укрыли его в надежном месте и вернулись в Веардрун.

– Ты самый замечательный рассказчик из тех, кого мне доводилось слушать! – рассерженно ответила Марианна, больше не дождавшись от Вилла ни слова.

По ресницам Робина пробежала дрожь, он слабо вздохнул и открыл глаза.

– Сэр Ричард уехал? – спросил он, невольно поморщившись от прикосновения к ране нового компресса, и, когда Джон кивнул, усмехнулся: – И мое предложение так и не принял! Теперь он достоин сочувствия. Я был бы рад избавить его от объяснений, правда, без всякого удовольствия от встречи с Гаем.

– У каждого свой удел, – философским тоном заметил Вилл, не испытывая к сэру Ричарду ни малейшего сочувствия. – Он знал, на что шел, когда отвечал королю согласием стать шерифом Ноттингемшира.

– Откуда же он мог знать, что рано или поздно ему придется оказаться между Гисборном и Робинотом? – насмешливо спросил Джон.

– Мог, если бы удосужился подумать, – ответил Вилл. – Ему неизбежно пришлось бы разнимать их однажды! Что?

Вопрос Вилла был обращен к Робину, который задумчиво смотрел в потолок.

– Я отнюдь не уверен в том, что мы отбивали Дикона у ратников Гая.

– Вот как? – встрепнулся Вилл. – Что заставляет тебя сомневаться? Вспомни, на них были гербы Гисборна!

Робин неопределенно улыбнулся.

– Гербы были, – согласился он. – Но Алан, к примеру, не был одет в сюрко с гербом Рочестеров, однако отсутствие герба не означает, что он перестал быть ратником Веардруна.

Вилл отмахнулся в ответ в знак того, что ему нет разницы, с кем довелось скрестить меч ради свободы Дикона. Робин привстал на локте и попросил Марианну дать ему воды.

– Кстати, моя леди, почему сэр Ричард все время так странно поглядывал в твою сторону? – как бы между делом поинтересовался он, принимая у нее кубок с водой.

– Он решил, что синяки на шее и подбородке Марианны – дело твоих рук, – неопределенно улыбаясь, ответил вместо нее Вилл, – и, стараясь быть предельно тактичным, даже пытался выяснить у меня, что происходит с графской четой.

– А ты? – посмотрела на него Марианна.

– А я не стал ни отрицать, ни подтверждать его домыслы, – ухмыльнулся Вилл и, прежде чем Марианна, возмущенная до глубины души, открыла рот, бросил ей со всей резкостью: – Это тебе урок за побег из Веардруна! Долго мне еще придется выслушивать за тебя от брата?!

Марианна нахмурилась, но, признавая справедливость его упрека, сочла за лучшее промолчать.

– И правильно, – одобрил ее молчание Вилл, – может быть, ваша светлость хоть немного научится прислушиваться к добрым советам друзей и приказам супруга.

– Что ты там сжигаешь? – поинтересовался Джон, глядя, как Вилл подносит к огню пергаментный свиток.

– Одно письмо, которое забыли второпях, – ответил Вилл. – Зачем кому-то знать о том, что одна рассудительная и, главное, разумная женщина испрашивает у мужа разрешения уйти в монастырь? А он в том же письме предлагает ей в ответ обсудить – правда, не знаю что, – и Вилл, оглянувшись на Робина и Марианну, усмехнулся. – Наверное, в какой именно? Славная бы монахиня из тебя получилась, Саксонка! Отправили тебя в Веардрун нагишом в одном покрывале! Хорошо, что Дэнис не уронил его с тебя по дороге, а то настоятельницы бы уже спорили между собой, кто приютит такое воплощение добродетели.

– Вилл, угомонись, – посоветовал Робин, заметив, как залилась румянцем Марианна.

– В самом деле, пойдем завтракать! – подхватил Джон, угадав, что графской чете необходимо остаться вдвоем и выяснить отношения.

Взяв Вилла под локоть, Джон подтолкнул друга к дверям. Теперь, когда опасность миновала, стало заметно, что Вилл с трудом держится на ногах от усталости. Марианна посмотрела на Джона: тот тоже выглядел не лучше.

– Кто-нибудь еще ранен? – спросила она.

– Нет, только Робина случайно задела мечом, – ответил Вилл и укоризненно посмотрел на брата. – Я ведь просил тебя надеть кольчугу!

– Вилл, ты утомил меня упреками по дороге в Веардрун, – ровным голосом ответил Робин.

– Ничего, потерпи еще немного! – с усмешкой предложил ему Вилл. – А как ты прикажешь мне охранять твою светлость, если ты ныряешь в самую гущу ратников, хватаешь Дикона, который на ногах не мог устоять, и пытаешься отбиться одним мечом от пяти?!

Робин смерил брата усталым взглядом, заметил укор в глазах Марианны, полное одобрение слов Вилла в глазах Джона и отвернулся.

– Где вы укрыли Дикона? – спросила Марианна.

– Пока в охотничьем доме под охраной ратников, – ответил Джон уже с порога и хмуро усмехнулся. – Он так избит, что еле дышит. Алан поехал к нему вместе с Эллен. После полудня отправлюсь за ним и привезу в Веардрун, если Эллен даст слово, что он выдержит дорогу.

– Вилл, распорядись, чтобы всю семью Дикона тоже переправили в Веардрун, – сказал Робин.

– Распорядился еще позавчера, – ответил Вилл, закрывая дверь за собой и Джоном.

– Почему он такой злой сегодня? – спросила Марианна, проводив Вилла взглядом.

– Наслушался от меня много лестных слов за то, что не усмотрел за тобой, – усмехнулся Робин. – Сегодня платит тем же, благо я дал ему повод.

Он повернул к ней голову, она отвернулась от двери, их глаза встретились.

– А теперь, моя леди, давай обсудим наши семейные дела, – сказал Робин, устремив на Марианну пристальный взгляд. – Как я тебе уже говорил, ни о каком твоём уходе в монастырь речи быть не может. Я приношу тебе извинения за разговор в охотничьем доме, за то, что причинил тебе боль этим разговором, и отдельно прошу тебя простить и забыть ту пощечину. От тебя я хочу сейчас услышать одно: ты намерена и впредь должным образом выполнять данную мне при венчании клятву или будешь продолжать упорствовать и угрожать мне ее нарушением?

Марианна едва заметно улыбнулась и, взяв руку Робина в свои ладони, поднесла ее к губам.

– Мой лорд, мне странно, что у тебя остались сомнения после того, как я не отвергла ни одного твоего поцелуя три дня назад!

Заметив, что Робин не принял ее улыбку и лицо его осталось серьезным, а взгляд напряженным и настойчивым, она с такой же серьезностью продолжила:

– Я прошу у тебя прощения за недостойные угрозы, которые допустила в пылу ссоры. Моя верность тебе была, остается и будет нерушимой, и ты можешь быть уверен во мне, как в самом себе. Ничего я так не желаю, как и дальше быть твоей женой. Тебе нет необходимости просить у меня прощения за пощечину: я заслужила ее. Даю тебе слово, что впредь у тебя никогда не будет причины для такого гнева на меня, чтобы ты забыл о сдержанности.

Когда она договорила и вновь поднесла его руку к губам, он наконец улыбнулся и крепко сжал ее пальцы.

– Тогда – мир, моя леди?

Она подняла голову и отрицательно покачала головой.

– Еще нет! – и теперь ее глаза стали серьезными, даже неумолимыми. – Я только грозила отступить от брачных обетов, а ты уже это сделал. Если ты хочешь, чтобы между нами был мир, исправь свою ошибку, из каких бы благих помыслов ты ее не совершил. Вспомни слова обета: в счастье и в несчастье! Следовать обету в счастье легко, а как насчет несчастья?

Робин понял, о чем она говорит, и улыбнулся:

– Ну, пока о несчастье говорить не приходится. Негласная опала – так будет вернее.

– Мне все равно, как ты это назовешь, – с прежней настойчивостью сказала Марианна. – Я та, которая должна оберегать тебя. Как мне справиться со своим долгом, если ты решил держать меня в неведении?

Минуту они молча смотрели друг на друга, потом Робин глубоко вздохнул и на миг сомкнул веки, соглашаясь с ней.

– Ты права, Моруэнн. Обойдемся без слов – можешь все увидеть сама. Только пока будешь смотреть, передай мне немного сил.

Марианна сильнее сжала в ладонях его руку, и Робина омыла волна ее исцеляющей жизненной силы. Отрешившись от всего, Марианна посмотрела вглубь его глаз, и, как всегда, ее тут же закружил синий водоворот и увлек за собой в память Робина.

* * *

Она увидела его. В парадной одежде и графских регалиях, он стоял, преклонив колено и почтительно склонив голову перед королем Иоанном, восседавшим в кресле. Она никогда прежде не видела Иоанна. В его чертах было определенное сходство с королем Ричардом, но, несмотря на это сходство, Иоанн казался размытым отражением царственного облика покойного брата. Ему недоставало величия и достоинства, и казалось, сам Иоанн прекрасно осознает, что проигрывает брату во многом, даже сейчас, когда Ричард уже упокоился с миром.

Иоанн смотрел на Робина неотрывным колючим взглядом. Его губы были плотно сжаты. По лицу короля пробегала легкая судорога – то ли он был нездоров, то ли разгневан. Склоненное лицо Робина оставалось абсолютно спокойным, опущенный взгляд полон терпения. Очевидно, Иоанну доставляло удовольствие держать графа Хантингтона в коленопреклоненной позе как можно дольше. Наконец он разрешил Робину встать, и тот легко поднялся с колена, выпрямился и устремил на короля бесстрастный непроницаемый взгляд.

– Я даю тебе согласие на все, о чем ты просил меня, – медленно проговорил Иоанн, не спуская глаз с Робина. – Указы, выражающие мою волю, готовы, подписаны и скреплены печатью. Вот они!

Иоанн повелительно протянул в сторону руку, унизанную перстнями, и один из придворных писцов поспешил принести два свитка, с которых свешивались королевские печати.

– Не мне, – сказал Иоанн, когда писец с низким поклоном протянул королю оба свитка. – Графу Хантингтону.

Робин взял свитки и почтительно поклонился Иоанну.

– Я безмерно благодарен вам, государь, за проявленную милость!

Не видя, что написано в указах, Марианна узнала об их содержании из памяти Робина и вздрогнула от удивления. Зачем он попросил об этом короля?! Самого Иоанна тоже интересовал этот вопрос, судя по его следующим словам:

– К чему эта предосторожность? Чего ты опасешься, граф Роберт?

– Превратностей судьбы, государь, – сдержанно ответил Робин.

Иоанн тонко усмехнулся, давая понять, что он догадывается, о каких превратностях говорит граф Хантингтон и что может быть их причиной.

– Не дай повод сам, – тихо сказал Иоанн, с прежней усмешкой глядя на Робина. – Я еще раз предлагаю тебе остаться при дворе. Могу приказать, но хочу, чтобы ты принял решение по доброй воле.

– Государь, – и Робин вновь стремительно преклонил колени, – ваша милость ко мне бесконечна, и я еще раз прошу вас разрешить мне удалиться от дел. Как вы сами заметили в своем благосклонном внимании, бремя обязанностей наместника Средних земель утомило меня.

Иоанн долго смотрел на Робина, прищурился, потом недобро хмыкнул:

– Упрямец! Но будь по-твоему, граф Роберт. Ограничься делами своих владений здесь и на континенте. Ты понял меня?

– Да, государь, – ответил Робин, словно не заметив угрожающую нотку в голосе Иоанна. – Я буду с нетерпением ждать преемника, на которого вы сообразовали возложить обязанности наместника Средних земель, чтобы помочь ему войти в дела, если на то будет ваше соизволение.

– Я ведь только что повелел тебе запереться в Хантингтоншире и... Где там еще твои владения?! – повысил голос Иоанн.

– Государь, мои слова были продиктованы наилучшими намерениями, – склонив голову, сказал Робин и едва заметно прикусил губу, чтобы скрыть досаду.

– Оставь их при себе и не пытайся учить меня исподволь, как я должен управлять собственным королевством, – холодно бросил Иоанн и, улыбнувшись, неопределенно помахал рукой. – К тому же я не намерен торопиться с назначением нового наместника. Возможно, что я вообще обойдусь без него. Есть графы, есть шерифы, а прежде всего – я, король. Твой король, Рочестер!

– Да, государь, – отозвался Робин, и Марианна почувствовала, каких усилий ему стоило оставаться спокойным.

– Вернемся к превратностям судьбы, граф Роберт, – тем временем продолжал Иоанн. – В королевстве не всегда бывает спокойно, а в герцогстве и графствах на континенте – тем более. Полагаю, что для тебя не является секретом желание короля Филиппа забрать мои земли под свою власть. Ты удаляешься от дел, но остаешься верным вассальной присяге?

– Государь! – Робин вскинул на Иоанна глаза, в которых чуть не вспыхнуло возмущение подобным сомнением.

– Всегда будешь верен? – продолжал допрашивать его Иоанн, прекрасно понимая, что тем самым оскорбляет графа Хантингтона. – Несмотря на любые превратности судьбы, о которых упоминал?

– Да, государь, всегда, – твердо ответил Робин, склоняя голову не столько из почтения к Иоанну, сколько затем, чтобы не выдать королю своих чувств, в которых было и презрение к преемнику Ричарда.

– Хорошо, – с удовлетворением сказал Иоанн и жестом приказал Робину подняться. – Можешь идти. Даю тебе позволение покинуть Лондон. И пусть тебя минуют превратности судьбы – ты был хорошим наместником. Жаль, что бремя власти стало тебе не по силам.

Иоанн иронично улыбнулся, но если он надеялся увидеть на лице графа Хантингтона отражение каких-нибудь чувств, то просчитался. Робин остался абсолютно спокойным. Он уже отступил на шаг назад, когда Иоанн поднятием указательного пальца приказал ему задержаться возле трона.

И вот тут Марианна почувствовала сопротивление Робина. Он не хотел, чтобы она увидела то, что должно было произойти. Она требовательно сжала его пальцы, и он был вынужден уступить.

– Скажи, граф Роберт, правда ли, что в Средних землях твое имя пользуется большим почетом, чем мое? Что в поисках справедливости все до одного сначала вспоминают о Рочестере и только потом о Плантагенете?

Глаза короля сузились, губы, напротив, разжались, открыв ряд мелких зубов в крысином оскале.

– Государь, тот, кто сказал такое – намеренно или нет, – ввел вас в заблуждение, – ответил Робин, глядя Иоанну в глаза. – Я первый в Средних землях отношусь к вам с должным уважением.

Марианна не сдержала улыбки: как всегда, Робин умудрился не солгать, но сказал правду так, чтобы собеседник мог услышать то, что ему хотелось услышать. Но и король не был намерен обманываться.

– Относишься с должным уважением? – с усмешкой повторил Иоанн. – Я помню твое уважение, граф Роберт. Особенно то, как ты его выказывал в те времена, когда я еще не был королем. Поэтому берегись! Берегись самого себя, не вызови мой гнев. Я не так щедр на помилования, как мой покойный брат. Ты понял меня?

– Да, государь, – сдержанно поклонился Робин, и король взмахом руки приказал ему идти прочь.

* * *

Марианна сделала глубокий вдох и пришла в себя. Увидев вокруг привычную обстановку, она посмотрела на Робина, который ответил ей спокойным взглядом.

– Теперь ты знаешь, что я скрывал от тебя, – сказал он. – Я сделал то, на чем ты настаивала, и могу считать, что мы с тобой помирились?

Марианна, не сводя с него печальных и тревожных глаз, кивнула.

– Да, Робин. Теперь мы полностью помирились.

– И ты не будешь протестовать против моего решения, которое послужило поводом для ссоры? – спросил он, настойчиво глядя на нее.

– Нет, – ответила Марианна, – и никогда больше не стану докучать тебе этим вопросом.

Он улыбнулся, потянул ее за руку, и она прилегла рядом с ним, склонив голову на его плечо.

– Значит, не только опала, но и угроза, – задумчиво сказала она, размышляя над тем, что увидела в его памяти. – И как нестати эта история с жалобой Гая!

Робин, успокаивая ее, небрежно махнул рукой:

– Эта история – мелочь, пустяк! Она не стоит внимания Иоанна, и Гай не может этого не понимать. Если сэръ Ричард одумается и назначит разбирательство, как я предлагал ему, жалоба Гая обернется против него самого.

– А если не одумается?

– Не знаю, – ответил Робин. – Он самолюбив, не захочет предстать перед Гаем в смешном виде, объясняя, что я отказался отдать Дикона, а он не сумел настоять на своем. Пока даже представить себе не могу, что он расскажет Гаю! Но что бы ни рассказал, боюсь, что он только сам себе навредит. Гай ему не по зубам, а сэръ Ричард не хочет в этом признаться.

Повернув голову к Марианне, он дотронулся губами до ее лба и долго молчал. Она, закрыв глаза, чувствовала тепло его дыхания и молча радовалась тому, что он рядом, а страшные для нее несколько дней размолвки остались в прошлом. Но будущее, после того что ей открылось, тревожило Марианну.

– Плохо другое, – вздохнул Робин.

Марианна догадалась без объяснений, что он имеет в виду.

– Плохо, что король решил обойтись в Средних землях без наместника?

– Да. За несколько лет Средние земли привыкли к тому, что ими управляет наместник, и до сих пор видят меня в этом качестве, – ответил Робин. – Люди продолжают обращаться ко мне за помощью или советом, а я не могу, не имею права отказать им в том или в другом! Иной раз мне кажется, что Иоанн намеренно не стал назначать нового наместника, понимая, чем такое решение обернется именно для меня. Если он усмотрит в моих поступках желание удержать прежнюю власть...

Она сжала его руку и попросила:

– Пожалуйста, будь осторожен! – и, когда он усмехнулся и скосил на нее глаза, добавила: – Ради Гвен и меня, Робин!

Он глубоко вздохнул и на миг прикрыл глаза в знак того, чтобы она не сомневалась в его осмотрительности.

– Боюсь, что сегодня ты потерял друга в лице сэра Ричарда, – тихо сказала Марианна, внимательно глядя на Робина. – Разумно ли?

– Разумно ли было не помочь ему ложью? – переспросил Робин и усмехнулся. – Мэри, разве друг нуждается в такой помощи? А от истинной помощи он отказался. И ты ошибаешься: сэр Ричард никогда по-настоящему не был моим другом. Несомненно, он испытывал ко мне уважение, но в его глазах я был прежде всего удачливым соперником. Вряд ли он преминул бы воспользоваться случаем!

Марианна усмехнулась: ей и самой показалось, что сэр Ричард так настойчиво выпытывал у нее, ладит ли она с Робинем, с некоторой долей надежды для себя. Но ради справедливости к сэру Ричарду она возразила:

– Он считал себя твоим другом несмотря ни на что. Ему и вправду будет нелегко предстать перед Гаем!

– Кто такой Гай Гисборн, чтобы сэр Ричард, шериф, предстал перед ним, да еще с чувством страха? – спросил Робин. – Ты сама понимаешь, что, согласишься я на его требования и выдай Дикона, я откупился бы штрафом. Те, кто был со мной, ограждены моим именем, а Дику от Гая пощады ждать не пришлось бы! К разбору жалобы он был бы уже умерщвлен, и тогда Гай уплатил бы сэру Ричарду штраф за допущенное самоуправство, но Дикона этим было бы не вернуть.

Он неловко повернулся, поморщился от боли и попросил Марианну дать ему горячего вина с пряностями и медом. Она помогла ему сесть, принесла кубок с вином и сама села рядом.

– Все-таки мне пришлось снова залечивать тебе раны, – вздохнула Марианна, потершись щекой о плечо Робина, – хотя, покидая Шервуд, я была уверена, что с этим покончено.

– Милая! – рассмеялся Робин, бросив на нее быстрый взгляд. – Ты забыла, с кем шла под венец?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.